

*Шёлковая нить,
что оплетает
трон*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Kristina Otto

18+

Kristina Otto

Шёлковая нить, что оплетает трон

«Автор»

2026

Otto K.

Шёлковая нить, что оплетает трон / К. Otto — «Автор», 2026

В империи, где красный шёлк ценится выше человеческой жизни, Лин потеряла одного мужа в пожаре. Теперь второй вручил ей брачный дар — вышитый шнур, который должен был затянуть вдовий узел. Дом регента Цзиня должен был стать её могилой. За его высокими стенами плетутся заговоры, исчезают люди, а одна неверная клятва способна погубить целый род. Для Цзиня Лин — лишь жена, чья судьба находится в его руках. Он знает её тайны и ждёт лишь подходящего часа, чтобы навсегда заставить её замолчать. Но война уже подступает к сердцу империи. Земли охвачены пламенем, знатные дома поднимают знамёна, а отец Лин оказывается втянут в распрю, из которой живыми возвращаются немногие. Чтобы пережить смуту, Лин и Цзинь вынуждены остаться рядом, хотя ещё недавно каждый из них желал гибели другого. Она учится быть тенью среди придворных интриг. Он всё ещё ищет способ избавиться от неё, не потеряв её тайны. Но между ними постепенно протягивается тонкая шёлковая нить.

© Otto K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Сады опавших листьев: место для забытых жён	5
Глава 2 Алый шёлк в доме Яннин	12
Глава 3 Клинок в ножнах	19
Глава 4. Маска новой госпожи	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Kristina Otto

Шёлковая нить, что оплетает трон

Глава 1 Сады опавших листьев: место для забытых жён

Осень в столице приносила с собой сырость, от которой холод пробирался под одежду и не желал уходить даже в закрытых покоях.

Лин особенно остро чувствовала это в своём дворе. Здесь пахло влажной глиной, прокисшим маслом и лекарственными травами, которые А-Янь развешивала сушиться под пологом. Низкое небо нависало над крышами, а в узких проходах между корпусами медленно стлался холодный туман.

Красный лак на дверях давно потускнел, потемнев до бурого. Ветер перебирал выцветшие таблички с благопожеланиями, оставленные ещё весной, и тихо шуршал ими в наступающей темноте.

Лин погасила свечу, давно истратившую свой воск, и зажгла новую. Её слабый свет едва разгонял сумрак и растекался по комнате, словно вода по растрескавшейся глиняной чаше. От этого света покои казались ещё холоднее.

— Госпожа вновь не спала? — А-Янь протиснулась в дверной проём боком, словно опасаясь задеть невидимую преграду или навлечь на себя гнев стен. — Глаза... тёмные, как у стражника после ночной смены на городской стене.

— Зато мне не придётся пересчитывать зерно на рассвете, — Лин устало затянула пояс грубого серого платья из конопли, подобающего безутешной вдове. — Я уже трижды обошла амбар и отругала каждого ленивца. Разумеется, лишь в своих мыслях.

— Вы браните их в голове, а они набивают ваши мешки в свои сундуки, — фыркнула служанка и юркнула внутрь, даже не дожидаясь позволения войти. — Сядьте сюда. Я сама причешу вас. Иначе мачеха скажет, что вы снова похожи на нищенку с храмовой паперти.

Как будто это не её интригами Лин лишилась алых шелков главной жены, подумала девушка, но лишь плотнее сжала губы, позволяя холоду утра заполнить тишину. А-Янь привычно приняла тяжёлые чёрные пряди в ладони. Волосы всё ещё оставались длинными — старая госпожа требовала остричь их «под вдову» согласно траурным уложениям Хань, но руки до этого пока не дошли. Ровно тридцать раз провести яшмовым гребнем от корней до самых кончиков — так наставницы учили её в доме Гу, в той первой жизни, когда она носила свадебный алый цвет. Теперь же этот утренний ритуал стал просто бессмысленной данью прошлому, за которую никто не заплатит и медного вэня.

— Сегодня я сама проверю закрома, — произнесла Лин, прикрывая веки от усталости. — А ты ступай на кухню. Узнай, сколько у них осталось соли. Вчерашняя каша была пресна настолько, что ею впору кормить преступников на принудительных работах.

— Думаете, повара воруют для рынка? — в глазах А-Янь вспыхнул хищный огонёк любопытства. — Думаю, часть зерна оседет в кладовых дворца регента Цзиня вместо того, чтобы уйти обозам на северную границу, — ровным голосом ответила Лин. — И если в этом гниющем имении должен быть хоть один человек с острым глазом, пусть им буду я, а не отец.

Служанка молча кивнула. Они обе прекрасно понимали: во двор скорбящей дочери отчиму попадает только та правда, которая прошла через мелкое сито выгоды его новой супруги.

А-Янь поклонилась и поспешила прочь, скрывшись за поворотом галереи.

Лин ещё некоторое время смотрела ей вслед, пока лёгкие шаги служанки не растворились в утренней тишине. Затем плотнее запахнула верхнее одеяние.

Она накинула поверх вдовьего платья старый плащ и перехватила его у груди. Ткань давно истончилась от времени и почти не удерживала тепло, но выбрать было не из чего.

Лин миновала пустую галерею и свернула к хозяйственным постройкам. Каменные плиты под ногами блестели от ночной влаги. Ветер гулял под крышами, перебирая выцветшие таблички с благопожеланиями, оставленные ещё весной.

Она могла бы остаться в покоях и дожидаться слуг, но тогда пришлось бы доверить им то, что привыкла проверять собственными глазами. Лин сильнее запахнула плащ и направилась к амбару.

Ей предстояло пересчитать зерно. Она открыла дверь. Амбар встретил Лин запахом промёрзшей земли, прелой соломы и сухого мышинного помёта. Она села на низкую деревянную скамью, ссутулившись над счётной дощечкой суаньпань, и механически перетаскивала костяные камешки из одной риски в другую, пытаясь согреть онемевшие пальцы собственным движением. Мешки с зерном, тёмные от пыли, громоздились вдоль стен подобно спящим солдатам — казалось, стоит задеть один неосторожным плечом, и вся гора обрушится вниз.

— Двадцать два... двадцать три... — едва слышно шептала она сама себе. — Если отправлять по два мешка еженедельно на северо-западную границу, запасов хватит на три месяца. Если никто не украдёт. Значит, нужно рассчитывать на два.

За тонкой бамбуковой перегородкой кто-то из молодых слуг громко чихнул и тут же зашептался с товарищем. Лин подняла голову. Голоса мгновенно оборвались, словно обрезанные ножом, но никто не спешил войти внутрь с почтительным поклоном. Она не стала их звать. В этом доме давно усвоили горькую истину: вдова перестаёт быть хозяйкой. Вдовый двор служил удобным складом для всего лишнего — людей и вещей, которые глава семьи пока не знал, куда пристроить или как выгоднее продать.

— Госпожа! Вы здесь? — раздалось приглушённое шипение. А-Янь протиснулась в узкую щель между створками дверей, впуская за собой плотное облако морозного пара. — На кухне соли почти нет, — быстро зашептала служанка, стягивая рукава потуже. — Зато в кладовой старшей госпожи стоит мешок, который едва приподнять. И целебный отвар для её драгоценных детей варят гуще, чем похлёбку для раненых солдат у ворот.

— Разумеется, — ровным голосом ответила Лин. — У соли есть свой нос, она всегда находит дорогу к самому тёплому углу.

А-Янь шумно вздохнула.

— Старшая госпожа уже знает, что вы ушли сюда с первыми лучами солнца. Сказала мне так: «Пусть наш цветок фронта побудет сегодня зерновой мышью. Может, поймёт наконец, как выглядит настоящая нужда».

Лин представила лицо мачехи без всякого усилия: бескровные губы, сведённые в ниточку, искусно нарисованные высокие брови и этот обманчиво мягкий голос. Как та склоняется к отцу, подливая чай в его пиалу, и как теми же холёными пальцами резко щёлкает по запястью нерасторопной служанки, когда думает, что их никто не видит.

— Что ж, — произнесла Лин. — Мыши выживают дольше, чем цветы. Пиши: тридцать мешков годного зерна, два — с плесенью. Заплесневелые пусть отправят прямиком в её личную кладовую. Скажем, это особый ингредиент для детского отвара.

А-Янь коротко хихикнула, быстро поставила углем пометку на дощечке и снова посерьёзнела, тревожно оглянувшись на дверь:

— И ещё кое-что. Во внутреннем дворе ставят новые фонари. В главном зале разворачивают праздничные ковры. Слуги прячутся по углам и шепчутся: господин вернулся. Будто бы из дворца прилетела птица с вестью... очень важной. Костяной камешек в пальцах Лин дрогнул и со стуком упал на дерево.

— Отец приехал? — переспросила она, хотя слух не изменял ей.

— Говорят, да. Весь в дорожной пыли, верхом. Старшая госпожа встречала его прямо на пороге. Сама вышла! — А-Янь презрительно скривилась. — Птица удачи летит туда, где рассыпано зерно. Лин медленно втянула сырой воздух амбара сквозь сжатые зубы.

Стены внезапно показались слишком низкими, потолок давил на плечи свинцовой плитой. — Составь опись аккуратно, — велела она, поднимаясь со скамьи.

— Отнесёшь лист в канцелярию. Пусть видят, что мы всё ещё способны считать. Я пойду... посмотрю на птиц во дворе, — добавила она тише, направляясь к выходу.

Лин вышла из покоев. В крытой галерее было прохладно и безлюдно. Её шаги глухо отдавались в каменных плитах, теряясь под сводами. Она шла торопливо, почти не замечая знакомых резных ширм, тёмных деревянных панелей и фонарей, чей свет едва теплился в полумраке.

За низкой арочной дверью перед ней внезапно распахнулся внутренний двор. В воздухе смешались запахи пыли, конского пота и камня, прогретого дневным солнцем. Лин остановилась у решётчатых створок, ведущих в главный двор.

Отец действительно вернулся. Лин увидела его сквозь решётчатую створку, ведущую в главный двор. Он стоял неподвижно, тяжело опираясь ладонью о резной столб, пока слуга стаскивал с его плеч дорожный плащ. Тяжёлая ткань была покрыта коркой засохшей жёлтой глины, а на воротах тёмными разводами запекся пот долгой скачки. Лицо генерала осунулось, и у глаз залегли новые, ещё белесые морщины.

Рядом с ним замерла старшая госпожа — её мачеха. На ней было одеяние цвета увядающей сливы: достаточно яркое для благородной супруги вернувшегося героя, но лишённое алых тонов радости. Она баюкала на руках младшего сына, в то время как вторая дочь опрашивала складки на её собственном поясе.

Голос женщины лился ровно и сладко, словно подогретый мёд:

— Господин, вы снова забыли надеть стёганую поддёвку. Я же просила... Ветер на северной границе дышит смертью, он не похож на наш столичный сквозняк. Вы совсем не щадите себя.

Отец что-то неразборчиво пробормотал в ответ. Он умел смотреть в лицо смерти и командовать тысячей копий, но совершенно терялся перед женщиной, которая улыбалась ему так ласково.

Лин уже собиралась отступить в спасительную тень галереи, но мачеха, словно почувствовав чужой взгляд сквозь дерево, медленно повернула голову. Их глаза встретились через решётку. Её улыбка осталась безупречной.

— Лин, — позвала она певуче. — Иди сюда. Отец дома, а ты прячешься по углам, точно служанка из чужого поместья.

Лин шагнула во двор, сложив руки в широких рукавах серого платья.

— Приветствую отца, — произнесла она ритуальную фразу, склоняясь в поклоне. — Отрадно видеть вас в добром здравии.

Он двинулся ей навстречу, но резко остановился на полпути, будто внезапно вспомнив траурный цвет её одежд. Его взгляд лишь на мгновение зацепился за грубую ткань рукава и простой пояс без единой нефритовой пряжки.

— Доченька, — сказал он. — Ты совсем отошла.

— Я перевожу зерно в списки, — ответила она, выпрямляясь. — Оно куда охотнее ложится на счёты, чем лишний жир на талию.

Мачеха мелодично рассмеялась, прикрывая рот шёлковым рукавом.

— Озорница всё такая же, дитя, — промурлыкала она. — Какое счастье, что в этом доме ещё остался смех. Однако... — она склонила голову к плечу мужа. — Я говорила вам, господин: ей не к лицу затягивать скорбь. Дом Гу давно стал прахом, да и брак тот был... неполноценным.

Пора думать о будущем. А она пропадает то в амбарах, то в трактирах с солдатнёй, переводя казённую бумагу.

— Лин служит дому, как умеет, — глухо пробормотал отец. — У неё острый ум для цифр.

— Разумеется, — мягко согласилась мачеха. — Но женщине подобает считать яшмовые бусины на своём поясе, а не пыльные мешки в сарае. Не так ли, Лин?

Её взгляд прошёлся по фигуре падчерицы сверху вниз — оценивающе, холодно, как смотрит торговец на подержанную вещь, которую пора сбыть с рук. За спиной мачехи двое детей — девочка и мальчик — разглядывали Лин широко распахнутыми глазами. В них не было ни детской злобы, ни родственного тепла. Только отстранённая любознательность исследователя. «*Матушка сказала, что так надо*», — читалось в их одинаковых лицах.

— Я буду считать то, что нужно для выживания дома, — ответила Лин. — Если когда-нибудь в нашей казне появятся лишние яшмовые бусы — я сосчитаю и их.

На долю секунды в глазах мачехи блеснуло что-то острое, как кончик иглы для вышивания. Но голос остался бархатным:

— Остра на язык, — вздохнула она с притворным сожалением. — Вся в своего отца. Ступай. Переоденься во что-нибудь достойное. Сегодня мы принимаем гостей из дворца регента. Не стоит выставлять нашу семью напоказ так, будто мы держим своих вдов в чернильной нищете. *Мы держим их в ледяном углу*, мысленно поправила Лин, но послушно развернулась и скрылась за ширмой, как и подобает почтительной падчерице.

До её покоев оставалось всего несколько поворотов, однако знакомая галерея сегодня казалась непривычно длинной. В усадьбе царило странное оживление. Слуги торопливо переходили из одного двора в другой, из главного двора доносился звон конской сбруи, приглушённые голоса и отрывистые распоряжения.

Отец вернулся. Мысль эта не покидала Лин.

Но если господин дома действительно возвратился один, к чему было велено расстелить в главном зале лучшие ковры и зажечь новые фонари? Так встречали не просто хозяина, вернувшегося после долгого пути.

Лин невольно замедлила шаг. Кто же прибыл вместе с ним?

Придворный посланник? Знатный гость? Военачальник, вернувшийся с северной границы?

Она миновала резные своды и свернула в боковую галерею. Здесь было тише. За занавесами шевелился ветер, а под крышей едва слышно звенела подвеска.

Лин коснулась пальцами края воротника. Под серой тканью скрывался старый шрам. Жар огня. Запах опалённого шёлка. Боль, от которой когда-то темнело перед глазами. Пальцы замерли, и Лин тут же опустила руку.

Впереди уже показались двери её покоев, когда позади послышались торопливые шаги.

Лин остановилась.

Молодой слуга прошёл мимо, низко склонив голову, но перед тем, как скрыться за поворотом, бросил на неё короткий взгляд.

Взгляд был тревожным. Лин нахмурилась. Если все ждали возвращения господина, отчего слуги смотрели на неё так, будто боялись не самого хозяина дома, а того, кто прибыл вместе с ним?

Она вошла в свои покои и бесшумно затворила дверь и прошла к туалетному столику. На нём стояло небольшое бронзовое зеркало. Поверхность его была отполирована до тусклого блеска, и в отражении едва различалось бледное лицо.

Лин сняла верхнее одеяние и положила его на спинку кресла. Пальцы на мгновение замерли у воротника серого платья. Она отогнула ткань. В бронзовой глади проступила тонкая линия плеча, а чуть ниже ключицы показался старый шрам.

Чуть ниже ключицы тянулся неровный, рубец — словно кривой след от незавершённого раскалённого клейма. Он уходил к середине плеча, и кожа на нём была плотной, шершавой, лишённой пор. Если горловина сидела строго по кости, метка исчезала под тканью. Но тело всё равно помнило тот удушающий жар.

Лин коснулась шрама кончиками пальцев — раз, другой. Боль давно стала глухой и далёкой, но сегодня низкое небо давило на старые раны, и кожу привычно потянуло изнутри тупым нытьём.

— Госпожа... — А-Янь скользнула в комнату без стука. Заметив, как хозяйка придерживает пальцами ворот, девушка осеклась и тут же опустила взгляд в пол.

— Простите мою дерзость. С дворца прибыли люди. Старшая госпожа велела облачить вас во что-нибудь достойное. Чтобы вы не бросали тень на имя дома своим видом.

— Всё достойное сгорело вместе с домом Гу, — ровно ответила Лин, опуская воротник обратно. — Ладно. Ладно. Дай хоть погладим серое, чтобы складки не бросались в глаза.

— Может быть... набросить алое? — неуверенно пискнула служанка и тут же прикусила губу, поняв свою ошибку.

Лин перевела на неё тяжёлый взгляд.

— Я достану алый шёлк лишь тогда, когда кто-то снова захочет погреть руки у моего погребального костра, — произнесла она. — Пока мне достаточно того пепла, что въелся под ногти.

А-Янь принесла шёлк. Густой индиго с вышивкой цвета грозовой тучи, платье благородной дамы из обедневшего, но всё ещё почтенного рода. Ткань была тяжёлой и холодной. Лин стояла неподвижно, пока служанка затягивала на ней сложную систему широких поясов, поднимая линию талии выше обычного, чтобы скрыть бёдра и сделать силуэт строгим.

Затем А-Янь взялась за волосы. Она расчёсывала длинные пряди до тех пор, пока костяной гребень не перестал встречать сопротивление. Служанка подняла тяжёлый узел на макушку, закрепив его длинными серебряными шпильками с навершиями в виде спящих цикад. Никакого жемчуга или цветов.

Они вышли в коридор вместе. Шаги А-Янь были бесшумны, как у тени, следовавшей строго в полтора шагах позади хозяйки.

Главный зал встретил их запахом растопленного воска и густым ароматом жужуба. Слуги сменили все бумажные фонари на новые — плотные, оклеенные лучшей рисовой бумагой, заливавшие пространство мертвенно-белым светом. Казалось, хозяева верили: чем ярче лампа, тем меньше заметно гниение балок под крышей.

Лин замерла сбоку, за спинами старших родственников — там, где предписано стоять незамужним девушкам и бедным родственницам. Позиция была идеальной: достаточно близко к возвышению, чтобы различить узоры на одеждах знати, но достаточно далеко, чтобы её собственная тень не оскверняла циновку советников.

Императорский евнух вошёл ровно под удар бронзового гонга. Он был мал ростом, тщедушен, с лицом похожим на сухую сливу и глазами, которые складывались в любезную щёлочку чаще, чем растягивался его рот. В руках он сжимал белый нефритовый жезл приказа.

Голос его взлетел под стропила, натренированный годами службы в Зале Высшей Гармонии:

— По воле Неба, по указу Сына Неба...

Слова полились привычным речитативом: «небесная милость», «государево благоволение», «великая честь для дома». Лин слушала этот шум так же, как слушают стук осеннего дождя по черепице: смысл понятен, но капли пролетают мимо разума. Пока одна из них не обожгла слух.

— ...повелевается законной дочери генерала Цяо, вдове покойного господина Гу Яня, госпоже Цяо Лин, вступить в брак с регентом Цзинь Яо...

Лин почувствовала, как стоявшая сзади А-Янь мёртвой хваткой впилась ногтями в её предплечье сквозь шёлк. Слева испуганно шмыгнул носом младший брат. Кто-то из дальних родственников издал сдавленный звук — то ли вздох ужаса, то ли завистливый вскрик. Отец рухнул на колени так стремительно, что Лин расслышала глухой удар колен о лакированные доски пола.

— Ваше Величество дарует слишком щедрую росу... — выдавил он, утыкаясь лбом в ворс ковра так низко, что голос прозвучал гнусаво. — Род Цяо недостойн...

Мачеха опустилась рядом. Её поклон выглядел изящнее, почти танцевальным па, но позвоночник согнулся под правильным углом. Голос её дрожал — ровно на ту долю тона, которая заставляет плакать простолюдинов от умиления.

— Моя падчерица Лин воспитана в строжайшем послушании, — пропела она. — Она положит свои кости, дабы стать достойной опорой подножию трона регента.

Лин осталась стоять. Деревянные ноги отказывались сгибаться. Евнух медленно повернул голову. Складка кожи вокруг его глаз стала глубже.

— Госпожа Цяо Лин, — произнёс он. — Вы услышали волю Сына Неба. Примете ли вы императорский указ?

Взгляд мачехи резанул боковое зрение: предупреждающий блеск чёрных зрачков. *«Говори правильно, девочка, или нас всех смоем потоком»*. Отец всё ещё лежал ничком, содрогаясь плечами в беззвучных рыданиях.

Лин опустилась на колени. Внутри неё было пусто и гулко, как в сгоревшем амбаре после того, как выгребли пепел.

— Милость Сына Неба безгранична, — произнесла она. Звук собственного голоса показался ей чужим, идущим со стороны. — Подданная принимает волю престола.

Никто не спросил, чего хочет сама Лин. Евнух удовлетворённо кивнул, будто принял подписанную купчую на продажу скота, а не приговор девушке. Белый жезл в его руке едва заметно качнулся вниз.

Вечер во вдовьем дворе казался неестественно тихим. Наверху, в парадных залах главного дома, сквозь бумажные ширмы сочился багровый свет больших фонарей. Оттуда доносился серебряный смех мачехи и визг её детей. Они наверняка уже делили шкуры невиданного зверя — обсуждали, какие земли откусит дом Яннин от императорской милости и сколько серебра можно выторговать у регента за одну лишь благосклонность.

В комнате Лин горела единственная сальная свеча. Её пламя дрожало от сквозняка. Дождь сек по черепице мелкой дробью. А-Янь сидела на низком табурете, обхватив колени руками, словно пыталась спрятаться сама в себе.

— Госпожа... — начала она и тут же осеклась, прижав ладонь ко рту. — Лин-цзе...

— Оставь церемонии, — оборвала она. — Завтра всё равно будешь рядом, когда на меня наденут свадебное одеяние.

Она виновато опустила ресницы.

— Говорят, регент никогда не держал подле себя ни законной жены, ни любимых наложниц, — прошептала служанка. — Что он спит на полу рядом со своим мечом. Что на его руках запеклось столько крови, что ею можно было бы наполнить все наши рисовые амбары. Что в его усадьбе даже мыши ходят только по его личному дозволению.

— Говорят, — повторила Лин. — А кто говорит?

— Кто-то из кухни слышал от стражников, — оживилась А-Янь. — Они боятся его. Говорят, он сам вытаскивал людей из костров на войне. И сам туда кидал других. Что на него несколько раз покушались, и все, кто покушался, умерли. А он... нет.

Лин посмотрела на свои ладони. Под ногтями темнели следы муки, пальцы были исколоты иглой — сегодня она штопала прорехи на траурном платье сестры отца.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, нас роднит нечто большее, чем указ императора.

— Что именно? — непонимающе моргнула служанка.

— Я тоже однажды прошла сквозь огонь и не сгорела дотла, — ответила Лин. — Возможно, это единственное качество, которое ценит человек вроде Цзиня.

А-Янь замолчала, разглядывая хозяйку так, будто синее платье вдруг просвечивало насквозь, обнажая кости. Она впервые видела в ней не сломанную куклу, способную лишь плакать или считать мешки.

— Вы страшитесь этого брака? — выдохнула она почти беззвучно.

Лин прислушалась к себе. Страх был безусловно. Но поверх этой слизи уже нарастал острый, прозрачный лёд.

— В прошлый раз красное платье на меня надели другие, — сказала она. — Я смотрела на мир сквозь вышитую ткань, пока дом Гу превращался в пепел. Сейчас меня снова оденут в красное. Только в этот раз я хочу хотя бы знать, кто поджигатель.

Лин склонилась к свече и одним лёгким дуновением погасила огонь. Покои погрузились во тьму, наполненную запахом остывающего масла. За окном мерно шелестел осенний дождь, убаюкивая столицу и скрывая за своей завесой шорохи ночных улиц.

Где-то там, за туманными улицами и высокими дворцовыми воротами, жил человек, чьё имя отныне было начертано рядом с её собственным в императорских книгах.

Регент Цзинь Яо. Её будущий супруг.

В резных сундуках уже лежало свадебное одеяние цвета багряного шёлка, ожидая дня, когда его развернут под светом брачных фонарей. Лин закрыла глаза. Ей оставалось лишь узнать, чья кровь первой ляжет на этот шёлк.

Глава 2 Алый шёлк в доме Яннин

Утро свадебного дня выдалось пугающе ясным. Ни клочка тумана, ни капли влаги — только выцветшее до кости небо и сухой ветер. Он цеплялся за края черепичных крыш и срывал листья так жадно, словно спешил раздеть город догола. Старая тётушка назвала бы это добрым знаком: сухая дорога к чистому дому. Для Лин это означало лишь одно: сегодня небесный свод слишком хорошо всё увидит.

А-Янь дрожащими пальцами раскладывала на столике свадебные уборы. Красный шёлк, алые бусы чжу, жемчуг цвета застывших слёз. На фоне голых серых стен вдовьего крыла всё это выглядело чужеродным, как наряд мертвеца, надетый на живого человека.

— Сядьте, госпожа... — служанка легонько подтолкнула её к полированной бронзе зеркала.

Лин опустилась на табурет. Прямая спина и привычка держать осанку, вбитая наставницами дома Гу, делали её чуть выше, чем она была на самом деле, но сейчас, сидя неподвижно, она казалась обманчиво хрупкой. Она была невысокой от природы — такой росла ещё в доме отца до первого пожара. Тогда все твердили: «Хрупкая, как ветка цветущего персика, идеальная для хорошего дома». После огня её кости остались прежними, но внутри что-то необратимо обуглилось, превратившись в холодный нефрит.

В зеркале отражалась девушка с прямым носом и мягкими скулами. Черты были слишком правильными, чтобы внушать страх, а линия подбородка всё ещё сохраняла девичью округлость. Только глаза не принадлежали этому лицу — тёмные, выжженные дотла, смотрящие так, будто уже видели падение балок и обрушение стропил.

— Если бы не траурное платье, вас легко приняли бы за ту, кого мать лишь учит правилам брачного покоя, — заметила А-Янь. — Ни одного тяжёлого штриха на лице. Вы смотрите чужой среди этого красного атласа. Такую тонкую фигурку ничего не стоит спрятать в широком рукаве.

— Превосходная мысль, — отозвалась Лин. — Попробуешь засунуть меня в рукав, когда придёт паланкин регента?

— Будь мои рукава шире хотя бы на палец, я бы рискнула, — вздохнула А-Янь.

Слуги мачехи не соизволили занести одежду в их комнату. Тяжёлый красный свёрток ждал на высокой подставке в соседнем пустом зале, подобно жертвенному животному перед алтарём предков. Когда Лин ввели туда, ноздри резануло крахмалом, густым ароматом жужуба и запахом новой ткани. Платье было безупречным. Плотный шёлк цвета тёмного лотоса, вышивка золотой нитью в виде завитков облаков, узкий пояс. Рукава скроили чуть длиннее положенного, чтобы фигура казалась ещё более тонкой и незащищённой.

— Им не хватило одного пожара, — тихо произнесла Лин. — Они решили дожечь то, что уцелело.

— Госпожа... — А-Янь стиснула зубы. — Позвольте мне плюнуть им в лицо за нас обеих! Я заколю их улыбки своим криком.

— Крик привлекает внимание, а оно нам ни к чему, — ровно ответила Лин. — Прибереги свою слюну.

В этот момент ширмы разъехались, и в комнату вплыли служанки мачехи. Они остановились у порога, разглядывая невесту с нескрываемым высокомерием, словно оценивая на рынке чужую скотину. Вперед выступила старшая из них — женщина с лицом гладким, как нефритовая маска, но глазами цепкими, как когти коршуна.

В этот момент шёлковые ширмы разъехались, и в комнату вплыли служанки мачехи. Они остановились у порога, разглядывая невесту с нескрываемым высокомерием, словно оценивая

на рынке чужую скотину. Вперед выступила старшая из них — женщина с лицом гладким, как нефритовая маска, но глазами цепкими, как когти коршуна.

Лин перехватила её взгляд: та скользнула глазами по простой серой ткани нижнего платья, задержалась на простых чертах лица невесты и презрительно дернула губами, обнажая намек на усмешку. Она явно ждала слез или хотя бы смущенного румянца от «бедной родственницы», которую выдают замуж, как отдают долг.

«Хотела бы я сказать тебе, что твоя собственная судьба куда незавиднее моей, — холодно подумала Лин, глядя прямо в глаза надменной женщине. Но она промолчала. Сейчас было не время устраивать переполох и давать повод обвинить её в непочтительности перед указом императора. Вместо этого Лин лишь чуть приподняла подбородок и медленно перевела взгляд обратно на свои руки. Это был жест чистого, ледяного превосходства. Служанка запнулась на полуслове, её заготовленная ядовитая фраза застряла в горле, наткнувшись на стену абсолютного спокойствия, которая отказывается вести себя как жертва.

Её раздели до нижнего белья из грубого хлопка. Холодный воздух лизнул кожу, по старому шраму на плече побежали мурашки. Лин перехватила взгляд одной из служанок мачехи: та скользнула глазами по неровной линии ожога, губы женщины презрительно дернулись.

— Осторожнее. Там нет нервов, но моя рука всё ещё отлично помнит, где лежит кинжал.

Служанка вспыхнула, но промолчала. В итоге руки сделали работу вместо языка: тяжёлая волна красного шёлка скрыла под собой старый позор. На плечах повисла тяжесть, словно ей надели не ткань, а чью-то украденную судьбу. Затем настал черёд короны. Не настоящей, императорской, а свадебного убора фэн-гуань с подвесками шуй-сюэ. Нити жемчуга спустились к вискам холодным дождём, щекоча кожу.

— Не слишком ли много камня? — спросила Лин в пустоту.

— Чем выше они поднимут ваш паланкин, тем громче будет слышно удар о землю, — пробормотала А-Янь. — Кажется, именно этого они и ждут.

Лин посмотрела на своё отражение. В бронзовой глади сидела маленькая женщина, утопавшая в алом и золоте. Лицо бледнее самого шёлка, губы сжаты в тонкую линию, глаза сухие и спокойные. Если бы кто-то знал, что вместо сердца у неё там лежит скомканный список мертвецов, он решил бы, что видит просто послушную невесту.

— Запомни это лицо, — прошептала Лин своему двойнику. — Скоро оно понадобится кому-то в качестве щита.

Последним движением А-Янь закрепила свадебную вуаль. Тяжёлый шёлк опустился на лицо, отрезая Лин от мира плотной красной пеленой. Звуки стали глуше, а свет превратился в тусклое багровое марево.

Лин плавно поднялась с табурета. Движение было выверенным — ни одного лишнего звука деревянных подошв о каменный пол. Тяжесть свадебного платья *сяоцы* привычно легла на плечи, но сегодня она ощущалась не как доспех, а как надгробная плита.

Она шагнула к выходу. Ширмы из резного клёна разошлись с тихим шелестом, пропуская её в галерею. В коридоре процессия уже ждала. Служанки мачехи тут же окружили её стайкой ярких птиц, щебеча пустые наставления о том, как нужно держать спину и куда смотреть. За ними, подобно теням, замерли евнухи дворца Яннин в тёмных халатах. Их лица были непроницаемы, но глаза цепко скользили по фигуре невесты, оценивая каждое движение.

Лин позволила им взять себя под локти — прикосновение было формальным, почти безразличным. Она не стала вырывать руки. Пусть думают, что ведут покорную овцу. Внутри неё вместо страха медленно разгоралось то самое ледяное пламя, которое когда-то оставило шрам на её плече.

— Госпожа готова, — провозгласил Хань Ин, его голос эхом отразился от высоких балок потолка.

А-Янь шла сразу за ней, неслышно ступая мягкими туфлями. В отличие от чужих слуг, её пальцы, придерживающие край длинного шлейфа Лин, дрожали не от страха, а от едва сдерживаемой ярости. Она была единственной тенью, которая действительно принадлежала своей хозяйке.

Во дворе гремели боевые барабаны. Процессия из резиденции Яннин влилась во двор дома Цяо, подобно тёмной воде, заполняющей низину. Чёрно-красные стяги с вышитыми иероглифами власти, ряды стражников, вытянутые в струну, кони с алыми шелковыми кистями на сбруе. На копьях блестели острые наконечники, лоя скупое осеннее солнце.

Свадебный паланкин стоял у подножия лестницы. Носильщики застыли, словно изваяния демонов-хранителей. Полог был откинут, внутри алело чрево дракона, готового поглотить жертву.

Лин остановилась перед ним. На мгновение она вскинула голову, позволяя холодному ветру коснуться шеи под тяжёлой короной, пока старшая госпожа — прямая, как тетива лука, с приклеенной улыбкой — приветствовала посланника регента.

Отец замер рядом в парадных доспехах *као*, расправив плечи так, что бронза едва не трещала. Сводные брат и сестра жались за спиной мачехи, высовывая любопытные лица лишь затем, чтобы разглядеть чужую силу.

Евнух из дворца Яннин был высок для своего положения. Его голова была гладко выбрита до блеска, а над верхней губой топорщились тонкие усики. Он выглядел почти добродушным, но нефритовый жезл приказа в его руках сверкал холодно.

— Князь Яннин благодарит дом генерала Цяо за честь принять столь скорый союз, — вещал он высоким голосом. — Время нынче беспокойное. Когда двое стоят плечом к плечу, остальным сложнее раскачать стены крепости. «Когда двое стоят рядом, их обоих легче столкнуть в пропасть», — мысленно поправила Лин.

Наконец её позвали к евнуху. Две служанки мачехи подхватили тяжёлые рукава платья, словно боясь, что хозяйка запутается в них и упадёт лицом в грязь, и вывели во двор. Воздух ударил по лицу запахом конского пота, сыромятной кожи и остывшего металла — аромат войны, который странно смешивался здесь с привычными запахами риса и благовоний. Красный шёлк свадебного одеяния Лин вписался в общий цвет знамён настолько органично, будто всегда был частью этого строя убийц.

— Встань здесь, дитя, — шепнула мачеха, поправляя корону *фэн-гуань* так, чтобы подвески *шуй-сюэ* скрыли нижнюю часть лица. — Не поднимай подбородок слишком высоко, но и не опускай. Нам нужна покорная жена регента, а не источник паники.

Она опустила ресницы ровно настолько, чтобы видеть мир сквозь них тонкой красноватой сетью. Стражники регента держались остранинно. Высокие, широкоплечие, в тёмных лакированных латах с кровавыми кистями, они казались продолжением воли того человека, которого ещё не было видно во дворе, но чьё присутствие уже давило на плечи невидимым грузом.

— Князь занят государственными делами и не мог лично прибыть за невестой, — сообщил евнух всё тем же вежливым тоном. — Он ожидает госпожу Лин в своей резиденции, дабы встретить её согласно рангу.

Где-то позади отец чуть заметно напрягся. Для военного мужчины отсутствие жениха у порога невесты граничило с оскорблением рода. Но он молчал. Императорский указ оставлял мало места для гордости.

Лин поднялась в свадебный паланкин под оглушительный рокот барабанов. Снаружи раздался скрежет дерева — засовы паланкина задвинули наружу. Теперь она была полностью отрезана от мира.

Когда носильщики оторвали шесты от земли, мир качнулся. Лин инстинктивно протянула руку и ухватилась за дерево. Мир накренился, поплыл и начал свой медленный, неотвращаемый

тимый путь к резиденции Яннин. Позади, сливаясь с лязгом оружия стражи и гулом барабанов, слышались торопливые шаги — свита регента двинулась следом, замыкая кольцо.

— Во второй раз, — прошептала она вполголоса сама себе. — Значит, кто-то действительно верит, что из меня всё ещё можно вылепить счастливую невесту.

По мере продвижения к центру столицы шум вокруг менялся. Сначала это были родные улицы района Цяо, знакомые с детства: скрип телег, запах жареных лепёшек *шаобин*, голоса торговцев зеленью. Затем город стал шире, богаче и выше: утоптанная земля сменилась каменной мостовой, лавки превратились в мраморные павильоны, а лица прохожих стали чужими.

Лин смотрела сквозь щели носилок и вспоминала свою первую поездку — туда, в дом Гу, где её ждал смеющийся друг детства, обещавший никому не дать её в обиду. Тогда стоял тёплый месяц цветения персика. Люди махали руками, дети бросали лепестки глицинии под ноги носильщикам. Она сидела под фатой ничего не видящая, просто веточка персика, завернутая в красный шёлк. Сейчас гулял голый ветер поздней осени.

Люди смотрели настороженно. Кто-то склонялся в глубоком поклоне, кто-то поспешно отворачивался. Лин чувствовала взгляды толпы через ткань, как укусы ледяных иголок.

— Говорят, это вдову генерала везут, — донёсся приглушённый шёпот с улицы.

— Ту самую, из дома Цяо. Смотри, какая крошечная. Как регент её пополам не переломит?

— Не он, так те, кто стоит за его спиной, — ответил другой голос, хриплый и насмешливый. — Всё равно сломают.

Лин позволила уголкам губ дрогнуть в темноте носилок. Хорошо, что хотя бы уличная чернь понимает правила этой игры.

Резиденция Яннин встретила Лин выверенной, натянутой тишиной. Не той пустой пустотой вдовьего двора, а звенящим безмолвием тетивы перед выстрелом. Высокие стены цвета запекшейся крови, крыши из тёмной глазурованной черепицы, ворота с росписью инь-ян и перевёрнутых иероглифов «счастье». По обе стороны от входа застыли каменные звери *байцзэ*. Их глаза смотрели не наружу, на дорогу, а внутрь — словно они охраняли дом не от врагов, а от тех, кто осмелился жить внутри этих стен. Носилки опустили. Занавес приподняли двумя шестами.

— Госпожа, мы прибыли, — прошелестела А-Янь с улицы; её позволили взять с собой лишь малой милостью.

Лин спустилась на землю, опираясь на руку служанки. Под подошвами туфель лёг гладкий лёд камня. Ветер загнал во двор запахи внешнего города и умер, будто дальше порога ему хода не было. Внутренний двор оказался широким и голым. Никаких садиков с карпами, никаких лишних деревьев для любования — только ровная площадка, строгие павильоны по краям, колодец да помост для отработки ударов копьём.

Всё здесь было создано для движения людей, а не для их покоя. У входа в главный зал их уже ждали. Евнух Хань Ин, сопровождавший процессию, шагнул вперёд, сложил руки в рукаве и запел привычным речитативом:

— Князь Яннин, повелитель гунов и хранитель законов, встречает свою супругу...

Лин подняла взгляд. Он стоял на несколько ступеней выше, на пороге зала, и на мгновение показалось, что за его спиной — не деревянная стена, выложенная резьбой, а ещё одна невидимая граница государства. Он был высоким. Настолько, что массивные двери казались чуть ниже, чем следовало.

Плечи под чёрно-красной парчой были прямыми, движения — скупыми и быстрыми, как у человека, которому важно не произвести впечатление, а успеть нанести удар. Лицо... красивое, но лишённое мягкости. Красота хищной птицы, у которой в чертах нет ничего лишнего. Чёткая линия скул, прямой нос, губы, привыкшие к улыбке лишь уголками рта — сейчас они

вовсе не двигались. Глаза — тёмные, узковатые, с прищуром полководца, привыкшего смотреть вдаль, оценивая рельеф местности и построение войск.

Корона на его голове была низкой, тяжёлой, с чёрно-золотыми пластинами и нитями драгоценных бусин. Не пышный венец поэта, а функциональный знак власти — почти клеймо. Он смотрел на неё внимательно, но без интереса. Так же можно разглядывать новый меч: отмечая длину клинка, баланс рукояти и то, насколько хорошо сталь ляжет в ладонь.

— Госпожа Лин, — произнёс Цзинь, когда ей велели подойти ближе и склонить голову. Голос регента был ровным, низким, без малейшей торопливости.

— Запомните этот день, госпожа Лин. Отныне это ваш дом, — это прозвучало как констатация факта, а не приветствие. Лин поклонилась, как положено, ровно настолько, чтобы тяжёлая корона *фэн-гуань* не съехала на лоб.

— Ваше Высочество слишком милостивы, — ответила она ритуальной фразой. — Надеюсь, я не опозорю ваш дом. «Надеюсь, доживу до того момента, когда успею хоть каплю отравить воду в вашем колодце», — добавила она мысленно.

Рядом с ним стояли ближайшие люди. Она узнала евнуха — его улыбка оставалась всё такой же масляной. Чуть позади замер мужчина с закрытым нижней половиной лица боевым платком — глава стражи. Несколько чиновников склонили головы чуть ниже необходимого — те, чей страх перед регентом выплёскивался вежливостью, как перелившееся через край вино.

— Церемонию следует завершить, — мягко напомнил Хань Ин. — Небесный свод уже высоко, брачные покои ждут.

Лин поймала короткий взгляд Цзиня. Ни раздражения, ни удовольствия — лишь пустая учтивость. Но в самой глубине зрачков мелькнуло нечто ледяное, когда он произнёс:

— Ведите госпожу.

Они вошли в главный церемониальный зал резиденции Яннин, и Лин на мгновение ослепла от масштаба.

Своды терялись во мраке где-то под самой крышей, поддерживаемые массивными колоннами из цельного ствола камфорного дерева, отполированными до блеска тысячами рук. Стены не были украшены привычной глазу росписью цветов или птиц; вместо этого их покрывали тёмные панели из эбенового дерева, инкрустированные перламутром в виде карт звёздного неба.

Пол был выложен плитами чёрного нефрита. Камень источал холод, который невозможно было скрыть. Даже толстый шёлк ковра и специальные подушечки *ситань*, которые молча подложили слуги ей под колени, не спасали от этой высасывающей кости стужи.

В центре зала, прямо под невидимым оком небес, стоял низкий бронзовый алтарь предков. Перед ним курились тяжёлые благовония из агара и сандала — густой, маслянистый дым поднимался вверх прямыми столбами, не рассеиваясь. На алтаре тускло поблескивали ритуальные сосуды *дин* и *гуй*, а между ними лежали связки жертвенных денег — жёлтой бумаги, имитирующей золото.

Лин опустилась на колени прямо на ледяные плиты пола. Звук соприкосновения дерева и нефрита эхом отразился от сводов. Это был поклон *саньбай* — тройное простирание, самое глубокое из принятых при дворе. Сначала лбом к полу — во славу Неба и Земли. Затем снова — во славу предков дома Яннин. И в третий раз — покорность супругу. Тяжёлая корона *фэн-гуань* с подвесками *шуй-сюэ* тянула голову вниз, грозя сломать шею своей идеальной геометрией. Лин чувствовала, как холодный камень вытягивает тепло сквозь шёлк подушечки, подложенной для неё слугами.

Когда она поднялась, воздух показался густым от благовоний. Евнух выступил вперёд, держа на вытянутых руках алый шёлковый шнур, сплетённый из волос девственниц и перевязанный девятью узлами.

— Согласно «Чжоу Ли» и воле Сына Неба, — запел он высоким голосом, — пусть узел судьбы свяжет дракона и феникса воедино!

Цзинь шагнул к ней. Его движения были лишены суеты, но каждое казалось выверенным актом присвоения территории. Он взял ленту. Лин протянула руки, позволяя ему обвязать их запястья вместе — правое к её левому. Узел лёг плотно, но не туго. Красная нить резко контрастировала с бледностью её кожи. Это было физическое воплощение указа: теперь они связаны законом, который нельзя разорвать без смерти.

Регент не задержал рук дольше положенного. Как только виток был завершён, он отступил на полшага назад, разрывая контакт.

— Вино единства, — произнёс Хань Ин, подавая им одну общую бронзовую чашу *цзя бэй*, соединённую красной шёлковой лентой.

Лин приняла свою сторону чаши двумя руками. Металл охлаждал ладони. Они сделали по глотку терпкого, выдержанного вина. На вкус оно напоминало дикие травы и старую кровь. По правилам церемонии следовало допить до дна, но Лин лишь увлажнила губы, ровно настолько, чтобы это сошло за почтение, а не за отказ.

— Ведите госпожу, — бросил Цзинь, отворачиваясь первым. Для него обряд был окончен. Бумаги подписаны, печать поставлена.

Слуги помогли ей подняться. Красный шёлк путался в ногах. Лин бросила последний взгляд на зал. Теперь эти высокие потолки больше не казались ей убежищем или местом казни. Они стали просто потолками её новой клетки.

Брачную комнату устроили в одном из дальних внутренних павильонов. Двери задёрнули плотными красными пологам, на которых вышитые золотой нитью фениксы тянули когтистые лапы к нарисованному солнцу. Внутри горели толстые красные свечи, алым атласом застелено брачное ложе *дунчуан*, по колоннам спускались ленты с узлом «двойного счастья».

Всё было расставлено — вплоть до пары бронзовых чаш с подогретым вином на низком столике инкрустации хуайнай. Слуги внесли Лин внутрь, заставили совершить положенные три поклона Небу и духам предков мужа, после чего подвели к самому краю постели.

— Пусть все уходят, — сказал Цзинь Яо. Его голос звучал уже гораздо ближе, чем тогда, на ступенях зала. — Дальше мы справимся без свидетелей.

Шаги зашуршали по полу, отдаляясь. Сначала лениво, затем быстрее, переходя почти на бег. Евнух тихо притворил створки дверей. Лин услышала глухой стук опускающегося деревянного засова. В комнате повисла тишина, но эта тишина была иной, чем во вдовьем дворе. Там пустота была привычной, мёртвой, успокаивающей своей предсказуемостью. Здесь же она звенела от напряжения, наполненная возможностью удара. Тяжёлые шаги приблизились вплотную. Он остановился прямо перед ней. Ткань фаты чуть дрогнула от движения воздуха.

— Говорят, вы уже были невестой, — прозвучало прямо над макушкой. — У вас есть опыт.

В его тоне не было ни насмешки, ни сочувствия. Лишь сухой факт, оброненный в холодный воздух комнаты. Лин позволила себе улыбнуться под тканью, хотя он этого видеть не мог.

— Опыт, который плохо кончается для одной из сторон, редко заносят в свитки добродетелей, Ваше Высочество, — ответила она. — Но да, однажды меня уже облачали в свадебный шёлк.

— И дом сгорел, — спокойно закончил регент. — Удобное совпадение.

От подбородка до ключиц кожу прошила тонкая дрожь. Не страх — острое, ледяное понимание того, как легко он произнёс вслух то, о чём в доме Цяо шептались лишь по тёмным углам, прикрывая рот рукавом. Значит, он тоже умеет слушать чужой шёпот так же хорошо, как она. Он поднял руки. Лин почувствовала, как сухие пальцы коснулись края фаты, чуть сместив жемчужные подвески. Нити бусин отозвались тихим звоном.

— Посмотрим, — негромко сказал Цзинь, — выдержат ли балки второго дома.

Красный мир вокруг неё начал медленно рассыпаться на нити. Вторая брачная ночь в её жизни начиналась. И в этот раз она ясно знала: в комнате находится не только алый шёлк, восковые свечи и вино. В комнате был человек, способный убить её собственными руками одним движением кисти — и остаться правым в глазах половины империи.

Глава 3 Клинок в ножнах

Ткань соскользнула с её лица бесшумно. Мир перестал быть багровым — кровавая дымка ритуального полумрака рассеялась, обнажив реальность. И от этого легче не стало. Воздух вдруг загустел, стал плотным и горячим, как перед грозой.

Лин медленно подняла глаза и впервые позволила себе рассмотреть его так близко. Днём он казался почти недостижимым — стоял наверху ступеней, в тени дверного проёма, а между ними лежал весь двор с его слугами, охраной и любопытными взглядами. Теперь же от прежнего расстояния не осталось ничего. Между ними было всего несколько шагов, и каждый вдох почему-то казался слишком громким.

Ей пришлось слегка запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Цзинь Яо был высоким, широкоплечим и удивительно неподвижным. Он не сутулился и не старался казаться внушительнее — ему это было попросту не нужно. Даже в покое в нём чувствовалась сила человека, привыкшего распоряжаться чужими судьбами одним коротким приказом. Движения его были скупыми и точными: ни одного лишнего жеста, ни одной беспокойной перемены позы. Казалось, он заранее знает, куда поставит ногу, куда повернёт голову и сколько времени позволит собеседнику смотреть ему в глаза.

Лицо резкое, высеченное из камня: чёткая линия скул, прямой нос, губы, созданные для сухих приказов и лжи, похожей на правду. Глаза — тёмные до черноты, прищуренные, с тем самым звериным вниманием дикого кота, от которого у бывшего солдата сами собой вспоминают, где висит цзянь, а ноги ищут опору.

В нём не было ни капли южной приторности или дворцовой мягкости. Только холодный, звенящий расчёт. Регент Цзинь Яо смотрел на неё так, как смотрят на незнакомый кинжал, вынутый из ножен: проверяет баланс, оценивает остроту лезвия, гадают, не сломается ли сталь, если всадить её по самую рукоять в кость.

— Я полагал, вторая невеста под алым покрывалом будет старше. — Он медленно перевёл взгляд с её глаз на линию губ и обратно. В его голосе не было разочарования, лишь сухой холод констатации. — Годы обычно оставляют следы на тех, кто уже провожал одного мужа в погребальный костер.

Он сделал едва заметный шаг вперед, сокращая расстояние еще на полшага. Тяжелый шелк занавесей мазнул по его рукаву.

— Но огонь обошел вас стороной.

Взгляд регента изменился: звериное внимание дикого кота сменилось тяжелым, оценивающим прищуром ювелира. Он смотрел на неё так, словно она была отлита из редкой бронзы, а не рождена женщиной. Вздогнули только крылья его прямого носа, втянув воздух — запах остывающего воска, горьких трав свадебного омовения и холодный аромат ее страха, который он принимал за выдержку.

В этом молчаливом осмотре не было ни капли южной приторности или дворцовой мягкости — того липкого восхищения, которым евнухи осыпают наложниц императора. Только холодный, звенящий расчет хищника, примеряющегося к добыче. Цзинь Яо изучал её лицо — резкое, высеченное из камня, ту самую ложь, похожую на правду, застывшую в линии скул.

Оценивал белизну кожи, которая казалась почти прозрачной в дрожащем свете свечей, и то, как непривычно ей это тяжелое красное одеяние.

Регент чуть склонил голову набок. На мгновение Лин показалось, что сейчас он поднимет руку и коснется шрама у её ключицы, скрытого высоким воротником — просто чтобы проверить, настоящий ли фарфор перед ним.

Лин почувствовала, как напряглись пальцы, спрятанные в складках красного свадебного одеяния. Она заставила себя расслабить их до последней фаланги и не отвела взгляда, хотя кожу под его вниманием начало стягивать ледяной коркой. Пусть смотрит. Кинжал тоже может быть красив ровно до того момента, пока не проверит баланс чужой кости.

— Я выжила. Этого, кажется, достаточно для второго брака.

Один уголок его губ чуть тронуло. Это едва можно было назвать улыбкой. Скорее короткая, почти незаметная отметка: «живой язык, не только глаза».

Цзинь отступил на полшага. Медленно окинул взглядом комнату — красные занавеси, дрожащий свет свечей, широкое брачное ложе, низкий столик с двумя чашами вина. Всё было расставлено правильно, по обряду, до последней детали.

— Всё по обряду, — тихо произнёс он. — Удобно. Обряд всегда подсказывает, как проще всего кого-то убить.

Лин не спросила, кого именно он имеет в виду. Ответ был слишком очевиден.

Он подошел к столу, и алые блики свечей скользнули по его широким рукавам. Регент взял одну из чаш. Тёмное вино в тонком фарфоре качнулось тяжелой маслянистой каплей.

— Знаете, что больше всего раздражает в совете? — спросил он, не поворачивая головы. Его взгляд был прикован к напитку, словно там отражались чужие мысли.

Она заставила себя разжать стиснутые зубы:

— Я там ни разу не была, господин регент. Могу лишь строить догадки.

— Надежда, — выдохнул он. — Они каждый раз надеются, что я сделаю за них грязную работу. Сегодня полдня жужжали о том, что «нужно проявить осмотрительность, Ваше Величество, эти брачные узы так хрупки, а юные вдовы столь впечатлительны». — Он передразнил их писклявые голоса с такой убийственной точностью, что вдоль моего позвоночника пробежал настоящий холод. — Некоторые были искренне уверены, что этой ночью я просто прикажу подлить вам яд.

Слова прозвучали слишком буднично. Словно речь шла не о её жизни, а о способе избавиться от ненужной вещи. Цзинь Яо поднял чашу к свету и внимательно посмотрел на вино. Красная жидкость медленно стекала по фарфору, оставляя на белой поверхности тонкий влажный след.

— Тихий яд хорош, когда нужно спрятать руку. Но сегодня слишком многие считают, что уже знают мой следующий ход.

Лин чуть сильнее сжала пальцы в складках рукава. Вино пахло терпко и густо. Ей вдруг очень сильно захотелось пить — не ради вкуса, а лишь затем, чтобы чем-нибудь занять рот и не произвести лишнего.

— Вы не любите, когда за вас заранее додумывают ходы, — сказала Лин, удивляясь собственному спокойствию.

— Я ненавижу, когда меня считают предсказуемой фигурой, — поправил он. Взгляд его темных глаз оставался тяжелым и неподвижным. — Фигуры, чей следующий ход очевиден всем, снимают с доски первыми.

Он опустил чашу. Широкий рукав метнулся вниз, но мягкое приземление фарфора на дерево утонуло в густом ворсе ковра.

— Важные игры, — сказал Цзинь Яо, и наконец-то разорвал зрительный контакт с вином, впиваясь своим взглядом прямо в зрачки Лин, — я привык разыгрывать собственными пальцами.

Регент Цзинь Яо шагнул вперед, сократив дистанцию до непозволительной. Запах ударил в ноздри первым: терпкое вино, остывающий чай, горькие свадебные травы и едва уловимый металлический шлейф — то ли старой стали, то ли крови, которая въедается в поры кожи навечно. Его широкая тень легла на Лин тяжелой тканью, мгновенно съев остатки пространства. Комната словно стала теснее на два шага.

Он поднял руку. Пальцы двигались неторопливо, почти лениво, но с пугающей точностью. Они коснулись её виска, скользнули по нефритовым подвескам головного убора, задели резной край свадебной короны. Так проверяют, крепко ли сидит клинок в ножнах, прежде чем пустить его в дело.

— В обморок от одного моего вида не падаете. Это уже заметный прогресс, если вспомнить те шепотки, что преследовали вас во дворце, — констатировал он. Голос звучал ниже из-за близости.

— О том, что я несчастливая вдова, которой лучше бы умереть? — спросила она, не отводя взгляда. — Или о том, что всякий дом, в который меня приводят, рано или поздно оказывается объят пламенем?

— О том, что вы удобны. — Голос оставался ровным. — Тихая, послушная. Без того ядовитого своенравия, которым славятся императорские принцессы.

Его пальцы сместились ниже, огладив линию щеки к самому подбородку. Рука у него была сухой и горячей. Он приподнял её лицо за челюсть, лишая возможности опустить глаза. Близко его зрачки казались еще глубже — затягивающая черная бездна. Умные, внимательные, изучающие каждый её вздох, и абсолютно пустые. Не в смысле отсутствия разума, а в смысле выжженной дотла человечности. Как старый колодец, из которого воду вычерпали до самого дна вместе с камнями.

— Вы боитесь меня, госпожа Цяо? — спросил регент.

— Вас я пока не знаю достаточно, чтобы испытывать перед вами именно страх.

Цзинь Яо чуть сжал пальцы.

— Смело, — вынес вердикт он. — Или самоубийственно глупо. Проверим.

Он отпустил её подбородок так же внезапно, как взял, и сделал еще один шаг внутрь её личного пространства. Лин инстинктивно качнулась назад — всего на долю мгновения, — но позади оказалась лишь холодная лакированная колонна у изножья брачного ложа. Он будто этого и добивался. Отступить дальше было некуда.

Ладонь регента легла на её плечевой пояс поверх плотного красного шелка. Большой палец замер у ключицы, остальные накрыли верхний край рукава, блокируя любую попытку движения.

— По обряду сегодняшняя ночь принадлежит мне безраздельно, — произнес он ровным, лишенным эмоций голосом. — Ваше тело, ваш дом, ваша честь. Так говорят в храме, благословляя браки. Вы чтите традиции, госпожа Цяо?

— Чту их или презираю — значения не имеет, — ответила она, чувствуя, как тяжелая ткань воротника начинает давить на горло. — Обряды работают только до тех пор, пока толпа верит в их силу.

— Тогда сыграем партию по правилам храма.

Его вторая рука потянулась к её шее. Сухой щелчок лопнувшего шнура прозвучал в наступившей тишине громче удара гонга. Завязки тяжелого свадебного воротника медленно поползли в стороны. И Лин впервые за эту ночь позволила себе подумать, что, возможно, самой большой ошибкой было позволить ему поверить в её покорность.

Шёлк верхнего платья зашуршал, скользя по коже. Под ним обнаружился второй слой — тоньше и легче. Регент протянул руку к её поясу, затянутому туго, прямо под рёбрами, и одним резким, выверенным движением распустил узел.

Лин пришлось сделать вдох. Воздух вошел в легкие свободнее, но от этого стало лишь тяжелее. Её душил не ремень из плотной ткани — её душило понимание: еще одно движение его пальцев, и она перестанет быть невестой в ритуальном облачении. Она станет просто телом под чужими руками.

— Про вас шептались во дворце, что вы нежная и слабая, — произнес Цзинь Яо, наблюдая, как тяжелый шелк сползает с её обнаженных плеч. — Что вам самое место у погребального

алтаря, а не в живых покаях. Я презираю слабость. Сломленные бесполезны слишком рано, а те, кто цепляется за жизнь до последнего хрипа, заставляют тратить на них лишние усилия.

Лин молчала. Сказать сейчас хоть слово о себе значило бы начать оправдываться. А оправдываться перед человеком, который держит в руках её пояс, в брачную ночь было бы крайней глупостью.

Ткань соскользнула ниже. Открылось плечо, острая линия ключицы и верхняя кромка тонкой нижней рубашки. Холодный воздух опочивальни коснулся разгоряченной кожи. Лин едва сдержала дрожь, когда поняла, куда именно опустил его тяжёлый взгляд.

Шрам был там, где ему и положено — неровная, грубая полоса, уходящая из-под белья глубоко к лопатке. Не самый страшный след на теле воина, но на фоне мертвенно-белой кожи невесты он выглядел чужеродным клеймом.

Рука Цзинь Яо замерла на полпути. Его пальцы стиснули край шёлка. Несколько тягучих ударов сердца регент просто смотрел на этот изъян, переводя взгляд с белого холмика груди на розоватую борозду старой раны.

— Значит, слухи не так уж преувеличены, — задумчиво сказал он. — Вы действительно были там. Не успели сбежать.

— Мы с А-Янь не добежали до ступеней вниз, — ровно ответила Лин. — Балки падали быстрее, чем мои ноги могли нести меня сквозь дым.

— И всё же выжили, — кивнул он так, словно констатировал вес товара на рынке, а не пережитую трагедию. Его сухие пальцы едва коснулись края шрама — без намека на ласку, скорее проверяя плотность зарубцевавшейся ткани. — Огонь пожрал вашу плоть и выплюнул обугленный скелет обратно...

Внезапно Лин почувствовала, что его ладони на её плечах стали ей мешать. Он больше не трогал и не жалел — теперь его руки физически преграждали путь взгляду. Шрам вносил в картину лишнюю деталь: это была история, к которой регент не прикладывал свою кисть, но которая уже навсегда въелась в её тело.

Цзинь Яо перевел взгляд выше, снова впиваясь своими черными зрачками в её глаза.

— Как думаете, госпожа Цяо, — спросил он, — сколько домов должно обратиться в пепел, чтобы люди наконец перестали верить, будто красный цвет приносит счастье?

— Думаю, — отозвалась Лин, чувствуя, как предательски пересыхает горло, — пока люди продолжают верить тем, кто поджигает эти дома, цвет одежды ничего не изменит.

На секунду в глубине его глаз мелькнуло удивление. Он перестал видеть перед собой удобную, покорную вдову, о которой ему так охотно рассказывали при дворе.

Он отпустил ткань, и Лин успела лишь сделать один облегчённый вдох, как на её шею легло что-то мягкое и прохладное. Красный шёлк. Тот самый пояс, который ещё мгновение назад стягивал её талию, теперь оказался у основания горла. Его концы свисали по обе стороны, а пальцы Цзинь Яо сжимали их так, словно держались за рукоять оружия.

— Твои ожоги ничего не портят, — заметил он с пугающим спокойствием. — Для постели довольно и лица. А вот для смерти... для смерти они даже полезны. Люди любят жалеть обугленных. Это усыпляет их бдительность.

Он потянул пояс на себя чуть сильнее. Воздух в комнате мгновенно стал густым, как смола.

— Если ты умрёшь сегодня ночью, — продолжил Цзинь Яо тем же ровным тоном, которым наверняка отдавал приказы тысячам солдат перед атакой, — половина совета вздохнет с облегчением. Дом Юй объявит во всеуслышание, что избавился от дурного предзнаменования на границе. Дом Цяо получит законное право рыдать в императорских садах и требовать новых земель. Меня назовут чудовищем за ширмой, но чудовище, которое идеально совпадает с чужими страхами, всегда удобнее живого политика, мешающего им спать.

Шёлк натянулся еще туже. Дышать приходилось с трудом, проталкивая кислород сквозь сужающееся кольцо.

— Вас это тоже устроит, госпожа Лин? — спросил он. — Не придется ложиться в постель человека, при виде которого хочется схватиться за нож. Скорая смерть иногда оказывается самым милосердным даром этого мира.

Лин почувствовала, как внутри поднимается старая волна липкого ужаса — того самого, что пахнет гарью и паленым волосом. Соблазн был велик: затуманить глаза, обмякнуть в его руках, притвориться потерявшей сознание и позволить кому-то другому доделать эту грязную работу. Но в ней уже однажды всё выгорело дотла. В остывшем пепле можно покопаться и найти там железо. Она втянула носом воздух. Неглубоко, ровно настолько, чтобы хватило сил разомкнуть губы.

— Вы говорите так, — произнесла она, глядя прямо в черноту его зрачков, — будто моя смерть была вашей идеей.

Пояс едва заметно дрогнул в его кулаке.

— Разве нет?

— Нет, — ответила Лин. Она заставила себя посмотреть ему прямо в глаза. — Это слишком грубый и предсказуемый ход для человека, который только что высмеивал чужую проницательность.

Цзинь Яо замер. Его пальцы перестали сдавливать шёлк.

— Объясни, — коротко бросил он. Раз регент перешел на «ты», позволив себе фамильярность убийцы, Лин сочла возможным ответить ему тем же языком прямого клинка.

— Императорский указ о браке уже прочитан глашатаями на всех площадях города, — начала она. Говорить со сжатым шеей было физически тяжело, но она давно приучила слова идти ровно, как шаги по тонкому льду. — Воины моего отца из гарнизона границы уже знают имя новой хозяйки столицы. Слуги успели нашептать купцам и менялам в нижнем городе. Если я испущу дух сегодня ночью в этом красном доме, история сложится сама собой.

Лин увидела, как сузились его глаза. Пояс всё еще давил, но сила натяжения больше не росла.

— Продолжай, — велел он.

— «Мясник-регент, — процитировала она шепот, который завтра зазвучит на рынках, — не пожалел даже собственной жены. Дочь героя фронта задохнулась в шелках, не успев снять свадебную корону. Двор молчит. Кто следующий?» Это будут передавать из уст в уста в чайных домах и казармах.

— Дом Цяо... — Лин сделала еще один осторожный вдох, чувствуя, как начинает кружиться голова. — ...будет вынужден делать вид, что верит в несчастный случай. Потому что иначе генерал поднимет полки. Но его офицеры... те, кто стоял с ним плечом к плечу... они будут знать правду. Что вы держали этот шёлк на моей шее. А те, кто спит и видит вашу голову на копье над воротами дворца, получают готовое знамя. Им не придется придумывать повод для мятежа. Вы сами вложите оружие им в руки.

Он молчал. Пальцы на поясе не шевелились, превращаясь в мертвую хватку.

— Если вы убьёте меня сейчас, — продолжила Лин, — вы совершите именно то, чего от вас ждут. И те, кто устроил этот брак, получат всё сразу: пограничный клан, разрываемый яростью и стыдом; регента, с которого удобно сорвать маску; и город, уже готовый поверить в историю о чудовище, убивающем собственных жён.

Она перевела дыхание, стараясь не выдать дрожи.

— Я не хочу умирать, — добавила она тише. — Но ещё меньше я хочу умереть так, как это выгодно вашим врагам.

Тишина в маленьком красном павильоне вдруг стала почти осязаемой. Она словно осела между ними тяжёлой пеленой, и даже пламя свечей казалось застыло в неподвижном воздухе.

Лин не шевелилась. Шёлк всё ещё лежал у её горла, напоминая о том, насколько тонкой была грань между разговором и смертью.

Цзинь Яо долго смотрел на неё. Взгляд его был спокойным, внимательным и холодным, будто перед ним лежала не женщина, а военная карта, на которой следовало отыскать слабое место прежде, чем туда двинется войско.

— Ты уверена, — наконец произнёс он, — что сейчас говоришь не то, чего хотят от тебя твои враги?

Лин выдержала его взгляд.

— Если бы я думала только о себе, то уже плакала бы и умоляла сохранить мне жизнь. Скажите, ваше высочество, вы любите, когда женщины плачут?

— Не люблю, — отрезал он.

— Тогда этой ночью мы оба получили то, чего хотели, — сказала Лин. — Я не плачу, а вы не делаете того, чего от вас ждут глупцы. Для первой брачной ночи результат вполне достойный.

Взгляд Цзинь Яо на мгновение задержался на её лице. Затем шёлк на её горле чуть ослаб.

Совсем немного, но Лин сразу почувствовала разницу. Воздух вновь свободно коснулся лёгких, и она позволила себе сделать осторожный, глубокий вдох. Облегчение было почти болезненным, однако она не позволила ему отразиться на лице.

— Сколько воинов находится под командованием вашего отца? — спросил Цзинь Яо.

— Около тридцати тысяч, если считать только тех, кто способен выступить к столице в короткий срок. Остальные слишком далеко от границы или уже заняты на своих землях.

— А сколько из них готовы умереть за честь дома Цяо?

— Достаточно, чтобы сделать вашу жизнь труднее. Недостаточно, чтобы сменить династию. Но хватит, чтобы залить кровью центральные улицы.

Он едва заметно кивнул. Лин видела, как изменился его взгляд, когда разговор перешёл к числам. Это был язык, которому Цзинь Яо доверял больше человеческих обещаний. На языке чисел можно было измерять силу армии, цену ошибки и количество людей, которых придётся похоронить после неверного приказа.

— И кто, по-твоему, больше всего заинтересован в том, чтобы я оказался по горло в этой крови?

— Те, кто никогда не видел крови ближе, чем на картинах, — сказала Лин. — Дом Юй. Министр Лю. Все, кто боится, что вы слишком живы, чтобы ими было удобно управлять.

Пальцы на поясе наконец разжались. Цзинь аккуратно развёл концы шёлка, снял его с её шеи и повесил на ближайший резной столб. Красная лента покорно обвисла, словно её никогда не использовали вместо поводка. Он отступил на шаг.

— Ты говорила, что не хочешь умирать, — напомнил он.

— Не люблю повторять очевидное, — ответила она. — Но да. Я хочу жить.

Он посмотрел на неё и после короткой паузы кивнул.

— Хорошо. — Он кивнул. — Тогда живи.

На мгновение у Лин закружилась голова. Не от нехватки воздуха — от слишком резкого облегчения. Будто её вытащили из воды и забыли сказать, что можно перестать барахтаться.

Однако Цзинь Яо не дал ей забыть о цене этого разрешения.

— Пока, — добавил он. — Пока ты мешаешь моим врагам сильнее, чем мне.

Он развернулся, подошёл к столу и налил себе вина. Вторую чашу он даже не коснулся. Тёмная жидкость блеснула в свете свечей, когда он поднял фарфор к губам и одним глотком осушил чашу.

— Запомни, — произнёс он, не оборачиваясь. — Если однажды я решу, что ты стала оружием в их руках, этот шёлк снова окажется на твоей шее. И сделаю это при твоём отце. Так, чтобы он сам попросил меня об этом. Не ради тебя. Ради армии.

Лин посмотрела на красную ленту, всё ещё свисающую с резного столба.

— Понимаю, — тихо сказала Лин.

И впервые за этот вечер она сказала это без притворства. Она действительно понимала. В мире Цзинь Яо всё имело цену. Жизнь измерялась числом воинов, честь — верностью знаменам, милость — политической выгодой. Даже человек мог оказаться всего лишь фигурой на доске, если его существование приносило пользу одной стороне и угрозу другой.

Всё остальное было роскошью, которую он не позволял себе.

— По обряду мы должны были разделить вино и постель, — произнёс он. — Вино мы разделили. А вот постель... ни к чему.

Он направился к ложу и снял с плеч тяжёлую верхнюю мантию. Тёмная ткань мягко скользнула вниз, открывая простое нижнее одеяние без вышивки и драгоценных застёжек. Даже здесь, среди красного шёлка и свадебного великолепия, он не выглядел мужчиной, который собирается исполнить обряд. Скорее человеком, который просто решил переждать ночь.

Цзинь Яо некоторое время смотрел на постель, покрытую алым шёлком. Красные покрывала, подушки, вышитые золотыми нитями, лепестки цветов, рассыпанные по краю ложа, — всё это было приготовлено для двух людей, которым полагалось этой ночью забыть о войне, придворных интригах и взаимном недоверии. Но между ними не было ничего, что позволило бы забыть хотя бы на мгновение.

Он поднял взгляд на Лин.

— Слуги должны думать, что всё прошло согласно обряду, — сказал он. — Завтра в доме не должно появиться лишних языков.

Лин едва заметно приподняла бровь.

— Значит, мне следует растрепать волосы и хромать при каждом шаге?

На его лице появилась тень усмешки.

— Достаточно того, что двери были закрыты. Остальное они додумают сами.

Он говорил с таким спокойствием, будто придворные слухи были не опасностью, а всего лишь ещё одним инструментом, которым можно воспользоваться, если знать, как его держать в руках.

Цзинь Яо лёг поверх покрывала, даже не потрудившись снять обувь. Он выбрал край ложа и отвернулся от неё, оставив между ними достаточно места. Его тёмные волосы рассыпались по красному шёлку.

Лин ещё некоторое время стояла неподвижно. Она не знала, чего ожидала от этой ночи, но уж точно не этого. После угроз, шёлка на горле и разговоров о смерти простая возможность лечь и закрыть глаза казалась почти неправдоподобной.

— Ложись спать, — сказал он в пространство. — Завтра будет много тех, кто захочет заглянуть тебе в глаза и понять, насколько сильно я тебя сломал.

— А если вы не сломали? — спросила она.

— Тогда им станет ещё интереснее.

После этого он замолчал. Вскоре дыхание Цзинь Яо стало ровным и глубоким. Лин не могла понять, действительно ли он уснул или просто умел настолько совершенно изображать сон. Человек, переживший не одно покушение, вряд ли позволил бы себе забыться рядом с незнакомой женщиной даже на несколько мгновений.

Она медленно опустилась на кровать. Она сидела на краю постели, не решаясь лечь, пока не поняла, что тело само начинает дрожать — не от страха, от усталости. Туго собранные волосы ныли. Кожа под воротом рубашки жгла там, где шёлк оставил тонкую красную полосу.

Лин подняла руку и осторожно коснулась шеи. Под пальцами кожа была горячей и чувствительной. Там, где ещё утром не было ничего, теперь проступала тонкая красная полоса. След постепенно становился менее ярким, но Лин знала: утром его всё ещё будет видно.

Она провела по нему кончиками пальцев и посмотрела на красный шёлк, свисающий с резного столба неподалёку.

Первый след их брака. Не печать нежности, не воспоминание о счастливой ночи и даже не знак супружеского союза, каким его воспевали свадебные песни.

Просто тонкая красная линия на коже. Напоминание о том, что этой ночью она осталась жива не потому, что её пощадили, а потому, что Цзинь Яо решил пока не заканчивать начатое.

Лин медленно легла, стараясь не потревожить его. За окнами тихо шелестели бамбуковые листья, где-то вдалеке ударил ночной гонг. Красные фонари за резными ставнями отбрасывали на потолок дрожащие отблески, и от этого казалось, будто над ними всё ещё колыхнется море крови.

Она закрыла глаза. В темноте мысли Лин невольно вернулись к дому Цяо. Она представила отца. Наверное, он всё ещё сидел в своём кабинете, окружённый свитками, донесениями и людьми, которым от него требовались решения. Теперь между ним и дочерью лежала столица, императорский указ и этот брак, заключённый не по воле сердца. Между ним и собственной совестью — ещё больше невысказанных слов.

Мачеха, вероятно, была довольна. Теперь падчерица больше не занимала места в доме, не напоминала о себе своим присутствием и не бросала тень на её собственных детей. Возможно, младшие уже спорили, кому однажды выпадет честь приехать в столицу и называть её «тётушкой-регентшей», не понимая, сколько крови и страха скрывалось за этим титулом.

В её первую брачную ночь она молчала. Стояла под красной фатой, слушала чужие голоса и почему-то ещё верила, что если следовать правилам, чтить обряды и не перечить судьбе, мир хотя бы иногда окажется справедливым.

Мир ответил ей огнём. Во вторую брачную ночь она заговорила. С трудом, через страх и стягивающий горло шёлк, заставляя каждое слово становиться щитом. Она не выпросила себе свободу, не получила обещания счастья и даже не обрела безопасности. Ей досталось куда меньше.

Ещё один день. Ещё несколько ходов. Но иногда именно этого было достаточно. Лин посмотрела в темноту, хотя ничего не могла различить.

Если она останется пешкой, Цзинь Яо рано или поздно просто раздавит её, даже не остановившись, чтобы задуматься. Пешек не жалеют и не берегут. Их жертвуют, когда того требует доска.

Значит, ей нужно стать другой фигурой. Той, которую невыгодно терять. Или хотя бы той, чья гибель принесёт слишком много неприятностей тому, кто решит ею пожертвовать.

Рядом ровно и спокойно дышал человек, который совсем недавно держал красный шёлк у её горла и говорил о смерти так же буднично, как другие мужчины говорили о погоде.

Лин отвернулась от него и легла поверх покрывала, оставив между ними столько пространства, сколько позволяла широкая постель. Ей хотелось верить, что даже во сне он не сможет пересечь эту невидимую границу.

Она снова закрыла глаза. Завтра ей придётся надеть лицо спокойствия, склонить голову перед теми, кто будет считать себя вправе судить её, и улыбаться людям, которые уже наверняка сочиняли о ней первые слухи.

Но завтра ещё не наступило. Сегодня она была жива. И этого было достаточно. Впервые за долгое время Лин уснула, не увидев во сне огня. Или, быть может, впервые позволила себе не помнить, что ей снилось.

Глава 4. Маска новой госпожи

Лин проснулась от собственного пульса. Он гулко стучал в горле — ровно в том месте, где ночью впивался красный шелковый пояс. Она не спешила открывать глаза. Сначала прислушалась. К собственному дыханию. К едва слышному шороху за ширмой. К шагам где-то далеко в коридоре. К запахам, которые невозможно было почувствовать во сне. В комнате стояла прохлада раннего утра. Свечи догорели до основания, оставив лишь короткие восковые столбики с застывшими косыми потёками. Сквозь щели тяжёлых занавесей сочился дневной свет, но ткань фильтровала его, стирая границы комнаты акварелью сумеречного тумана. Пахло остывшим фитилем и кислым вином. И ещё чем-то травяным, горьковатым. Чай во сне не заваривают. Значит, она действительно дожила до утра. Лин открыла глаза. Цзинь Яо уже не спал. Он сидел у низкого стола в дальнем углу, переодетый в тёмное домашнее платье без широких рукавов. Волосы туго собраны в узел, лицо чистое, будто он только что совершил утреннее омовение. Перед ним тихо дымил чайник, рядом лежали два свитка. Одной рукой он грел чашку, другой неторопливо перелистывал бумагу. Время от времени его взгляд скользил в сторону кровати. В нём не было ни похоти победителя, ни ненависти врага. Лишь холодное внимание чиновника к незакрытому делу. Лин медленно повела глазами по комнате и остановилась. Её свадебный наряд — тяжёлый, расшитый золотом и багрянцем — больше не лежал смятым на полу у изголовья, как она бросила его прошлой ночью. Теперь он висел на деревянной вешалке у стены, аккуратно расправленный. Рядом, ровно сложенный, покоился пояс. Кто-то поднял одежду с пола, отряхнул и повесил так, будто приводил в порядок не следы брачной ночи, а ещё один казённый свиток. Она подняла руку к голове. Свадебная причёска держалась плохо. Часть шпилек выбилась, сложные узлы смялись во сне, и волосы спутались у висков и на затылке. Должно быть, она уснула незаметно для самой себя. От пережитого шока просто не хватило сил распустить тяжёлую конструкцию из волос. Даже не глядя в зеркало, она чувствовала, насколько неухожено сейчас выглядит. Когда она шевельнулась, Цзинь Яо окончательно оторвался от свитка. Лин села, кожа на шее тянулась при каждом движении — тонкая, неприятная боль, которую она пока не решалась проверить пальцами. Кровать выглядела достаточно убедительно: смятые подушки, сбитое покрывало. Если не знать правды, можно было бы решить, что здесь действительно провели первую брачную ночь так, как того требовал обычай. Только она знала: половина этого беспорядка появилась оттого, что она долго ворочалась в темноте, пытаясь заснуть. Цзинь, видимо, тоже оценил картину. Уголок его губ едва заметно дрогнул. — Неплохой беспорядок, — произнёс он. — Для людей, склонных к сплетням, вполне сойдёт. Лин подняла на него взгляд. — Не знала, что в доме регента столько любителей сплетен. — В любом доме их достаточно. Он поднялся из-за стола и направился к кровати. Двигался так, будто не спал вовсе: ни апатии, ни утренней вялости — только собранность. Цзинь Яо остановился перед ней. Не спрашивая позволения, ладонью перехватил её подбородок, чуть приподнимая лицо к свету. Вторая рука привычно потянулась к столику у изголовья. Пальцы нащупали прохладный бок фарфоровой баночки с тёмной мазью для снятия ушибов — густой состав на основе корня да-у-юй, камфоры и змеиного жира. Он подцепил немного бальзама, согревая его между большим и указательным пальцем, и медленно, почти бережно размазал по воспалённой полосе на шее Лин. Прохлада мяты мгновенно обожгла содранную кожу, а тяжёлый лекарственный запах смешался с ароматом остывшего воска. Лин почувствовала, как напряглись мышцы. От неожиданности и близости его пальцев тело само рванулось прочь — уйти от чужого запаха, от тени, упавшей на лицо. Но хватка не дрогнула: ладонь Цзинь Яо держала её челюсть с механической точностью, стальной замок, в котором бесполезно биться. На миг вспыхнуло недовольство, но оно тут же утонуло в холодном расчёте. Дёргаться дальше бессмысленно — это лишь выдаст слабость. Она заставила

себя замереть. — Болит? — спросил он почти лениво, растирая последний комочек мази под самым затылком. — Уже нет, — голос прозвучал ровно, хотя кожу всё ещё стягивало от холода. — Бывает хуже. Регент отпустил её лицо, но тут же цепко перехватил запястье, поднимая руку жены на уровень своих глаз. Смотрел он не на тонкие пальцы — смотрел на мышцы лица, ждал малейшей дрожи, инстинктивного желания вырваться. Лин смотрела в ответ, намеренно расслабляя плечи. Хищнику быстро становится скучно грызть добычу, которая всем своим видом показывает, что прекрасно знает вкус его зубов. Если уж он решил играть в эту игру, пусть хотя бы поймёт, что перед ним не испуганная девочка, которую можно загнать в угол одним взглядом. Кажется, он тоже это понял. Усмехнулся краем рта и отпустил руку. — Скоро придут люди, — сказал он, возвращаясь к столу. Будто ничего не произошло. Он налил себе чаю. — Служанки. Старшая по дому. Хань Ин. — Вряд ли они будут требовать подробного доклада о наших чувствах, — заметила Лин, поправляя съехавший рукав. — Им хватит простыни, — он плеснул себе чая, сделал глоток. — И того факта, что вы не выпрыгнули в окно до рассвета. Он повернулся к ней спиной, опираясь руками о столешницу. Голос оставался ровным, деловым, таким обычно обсуждают поставки риса или расстановку войск на северных границах. — Если по дворцу поползёт слух, что я не тронул собственную жену ради политического союза, мои враги будут счастливы до неприличия. Надеюсь, вы достаточно умны, чтобы не делать им такого подарка. Лин смотрела на прямую линию его плеч под тёмным шёлком. Вот и весь разговор. Ни приказа лечь под мужа, ни просьбы сыграть роль. Сухой вывод: нужен след страсти — придумайте, как его оставить. Его руки останутся безупречно чистыми. Лин едва заметно сжала пальцы. Как удобно. — Конечно, господин, — сказала она, натягивая покрывало до самого горла. — Было бы странно ожидать, что регент империи вдруг начнет щадить чью-то репутацию, кроме своей собственной. — Рад, что мы понимаем друг друга, — произнес он, даже не повернув головы, и снова взялся за кисть. Она смотрела на мужчину перед собой и впервые ясно понимала одну вещь. В этом браке опаснее всего будут не его руки. Опаснее окажется то, насколько хорошо он умел заставлять других делать то, что было выгодно ему. И хуже всего было то, что вчера ночью она сама начала учиться отвечать ему тем же. — Мне понадобится помощь, — голос Лин прозвучал ровно, без тени вчерашней дрожи. Она подняла тяжелый узел волос на затылке, открывая шею. — Шпильки затянули слишком туго. Я не смогу распустить это одна, не вырвав пряди с корнем. Цзинь Яо отложил кисть на нефритовую подставку. Он поднялся, подошел к ней сзади и встал вплотную. Лин почувствовала жар чужого тела у обнаженной спины, но не отпрянула. Его пальцы оказались неожиданно бережными. Они погрузились в её волосы, нащупывая основание сложного узла. Одно короткое, властное движение руки — и первая длинная шпилька упала на полированный столик. За ней вторая. Тяжелая волна густых волос рассыпалась по плечам и спине Лин, тяжело упав ей на предплечья. Он отступил на шаг. Она опустила взгляд на свои предплечья, покрытые мелкой россыпью вчерашних следов от слишком тесных рукавов церемониального платья. К ним добавилась еще одна метка — багровая полоса на шее. Что ж, следы бывают разными. Ему нужна покорная дочь союзного дома, смирившаяся со своей участью, а не насмерть перепуганная девчонка. Лин глубоко вдохнула, призывая на лицо маску усталого, пресыщенного достоинства. — Мне тоже нужно привести себя в порядок. Он ушёл в боковую комнату, не оглянувшись. Лин несколько мгновений смотрела на закрывшуюся дверь. Наконец тишина стала принадлежать ей. Лин спустила ноги с ложа. Каменный пол под босыми ступнями был холодным. Шея ныла тупой болью при каждом повороте головы, затылок тянуло обратно к подушке. Но отдыхать было некогда. Сегодня её должны были увидеть. И прежде чем в покои войдут, Лин нужно было закончить представление. Она медленно огляделась. Искала глазами что-нибудь острое. Её взгляд упал на низкий столик у постели. Там, среди восковых лужиц и костяных заколок, лежала её шпильки. Пальцы сами сомкнулись на гладком стержне. — Скажи спасибо, — тихо произнесла она, глядя на собственный палец. — Тебе досталась лёгкая

работа. Она прижала острие к подушечке большого пальца левой руки и нажала. Красная точка выступила почти сразу. Кровь сгущалась, собираясь в каплю. Линь наклонилась и прижала палец к внутренней стороне простыни — ближе к тому месту, где ожидали бы найти нужное доказательство. Капля растеклась неровной кляксой, впитываясь в светлый шёлк исподнего белья. Вот вам, дом Яннин, кровь моей невинности. Только невинность эта касалась отнюдь не той части тела, которую принято проверять у знатных невест, и смысл имела совсем другой. А-Янь наверняка сказала бы сейчас, что грех так жестоко шутить с богами очага. Но, богам в резиденции регента Цзиня уже давно было не до молитв смертных. Она поднесла палец ко рту и прижала ранку языком, пока кровь не перестала выступать. Цзинь Яо играет в долгую партию, — отстранённо подумала Лин, механически поправляя складки одежды. Он отдал мне приказ доказать свою покорность кровью, даже не коснувшись кожи. Что ж, я умею быть прилежной ученицей. Главное теперь — смотреть на эту фальшивую кляксу с правильным выражением лица: смесью усталого женского торжества и лёгкой тошноты, подобающей девушке, чьё тело впервые познало мужчину. Лицемерие тоже требует тренировки. Когда в коридоре послышались шаги, а вслед за ними раздался вежливый стук в дверь, пятно на ткани уже слегка потемнело, подсохнув по краям. Выглядело достаточно убедительно. Сквозь плотную дверь, расшитую золотыми фазанами, пробился голос Хань Ина — мягкий, обволакивающий, в котором придворная вежливость давно срослась с привычкой знать всё на три шага вперёд. — Господин, госпожа. Позвольте войти? Цзинь Яо отозвался из соседней комнаты, где сам переодевался: — Проходите. Дверь открылась и тяжёлая ткань откинулась. Первым шагнул Хань Ин, источая аромат сухого лотоса и благовоний для записей. За его спиной просочились служанки. Хань Ин опустил в глубокий, но сдержанный поклон, выпрямился и чуть посторонился, давая место женщине позади себя. — Госпожа, — произнёс он. — Позвольте представить. Фэн-нян, старшая служанка дома Яннин. Отныне все дела внутренних покоев будут находиться в её ведении. Она будет служить вам. Женщина сделала несколько неторопливых шагов вперёд. Фэн-нян была уже немолода, однако держалась с прямоотой, которой могли бы позавидовать многие молодые служанки. Лицо её, казалось гладким и строгим; лишь у губ залегли тонкие складки, выдававшие привычку держать при себе каждую мысль. Острый подбородок придавал её чертам ещё большую суровость, а внимательные глаза, прищуренные чуть сильнее необходимого, напоминали взгляд старой лисицы, привыкшей замечать то, что другие предпочитали скрывать. Она остановилась перед Лин и опустилась в поклон — ниже, чем Хань Ин, почти коснувшись лбом пола. Несколько мгновений Фэн-нян оставалась неподвижной, сохраняя положенную почтительность и ожидая, когда госпожа позволит ей подняться. — Фэн-нян приветствует госпожу, — произнесла она ровным, чуть глуховатым голосом. — Отныне буду служить вам. — Можете подняться, — спокойно сказала Лин. Лин сидела на краю ложа, стараясь дышать ровно. Нижнее одеяние соскользнуло с левого плеча, лишь немного выглянув из-под шёлкового халата и оставив открытой линию ключицы. Она знала, что полоска пылает, как клеймо. Главное было не выдать себя взглядом, когда её осматривают: след от пояса новобрачной и след от скрытой иглы рассказывали совершенно разные истории о прошедшей ночи. Хань Ин опустил в глубокий поклон. — Приветствую госпожу, — произнес советник, выпрямляясь. Его пожелание прозвучало гладко, как казённая печать: — Пусть эта ночь станет началом долгих лет. Его взгляд скользнул по ней быстро и почти незаметно, отмечая всё, что полагалось заметить человеку его положения: жива, лицо спокойное, слёз нет. Значит, новая госпожа выдержала брачную ночь и не собирается устраивать сцен. Цепкий глаз Фэн-нян уже успел оценить комнату. Взгляд задержался на тёмном пятне посреди постели. Старая служанка отметила кровь. Для неё это означало лишь то, что молодая жена оказалась достаточно здоровой, а молодой господин исполнил свой долг перед родом, не опозорив дом. — Надо сменить постельное бельё и одеть госпожу, — вынесла вердикт Фэн-нян. — Сегодня до полудня дом будет приходить поздравлять. — Делайте, что

нужно, — отозвался Цзинь Яо, появляясь в дверях. Он уже переоделся, сменив свадебные одежды на наряд, достойный хозяина дома, но лишённый церемониальной пышности. Тёмная ткань почти поглощала свет. Никаких излишних украшений — только строгий пояс, несколько неброских деталей и безупречная сдержанность, в которой привычка к власти читалась яснее любой роскоши. Он подошёл к столу, взял свиток, но не сел. Остался стоять, наблюдая, прислонившись к резному столбу. Служанки засуетились вокруг ложа, но делали всё ловко и почти бесшумно. Фэн-нян первой подошла к Лин и почтительно склонила голову. — Госпожа, позвольте помочь вам подняться. Нам следует привести покои в порядок. Лин молча кивнула и поднялась с края ложа. Ноги отозвались предательской дрожью, и на мгновение ей пришлось опереться ладонью о резную спинку. Она тут же выпрямилась, не желая показывать слабость перед прислугой. Когда Лин отошла, служанки принялись снимать верхние покрывала и менять постель. Одна осторожно свернула простыню, другая забрала её из рук и сложила так, чтобы багряный след оказался внутри свёртка — не выставленный напоказ, но и не оставленный без внимания. Всё происходило молча, с той сдержанной деловитостью, которая говорила о давнем порядке вещей. Передавая свёрнутую ткань помощнице, Фэн-нян бросила на Лин ещё один короткий взгляд. В глубине её выцветших глаз мелькнуло что-то похожее на поздравление. Поздравляю, госпожа. Теперь весь дом знает, что вы стали женщиной рода Яннин. — Госпожа, — обратилась к ней Фэн-нян, когда постель была убрана. — Вам следует умыться и сменить одежду. Вода уже приготовлена. Лин снова кивнула и направилась следом за служанкой. Только теперь, когда ей больше не нужно было сохранять неподвижность, она почувствовала, как тяжесть ночи отозвалась в каждом шаге. Колени дрожали не от слабости — тело просто ещё помнило напряжение, в котором привыкло существовать. За одну ночь мышцы привыкли быть инструментами выживания, а теперь им вдруг предстояло стать всего лишь ногами женщины, идущей навстречу новому утру. Когда она проходила мимо мужа, он чуть наклонился к её уху, не меняя отстранённого выражения лица. От него пахло сухим бамбуком и тушью. — Неплохо, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Вы оказались умнее тех чиновников, что составляли брачный договор. — Надеюсь, это не создаст лишних проблем для вас, господин, — ответила Лин, глядя прямо перед собой. — Умных пешек сложнее держать в руке, не порезавшись, — заметил Цзинь Яо. — Но двигать их по доске куда интереснее. Он даже не протянул руку. Однако его взгляд упал на её шею — туда, где сходились края высокого ворота, — и задержался дольше, чем на всём остальном теле вместе взятом. Лин почувствовала это внимание как второе, ледяное прикосновение, оставляющее ожог тоньше самой острой иглы. Фэн-нян кашлянула, деликатно напоминая о своём присутствии. Цзинь Яо моргнул, возвращаясь к своим свиткам, а старая служанка мягко, взяла новую госпожу под руку, увлекая её в сторону купальни. Другая служанка семенила впереди, поднимая край шторы. На полу стояла широкая деревянная купель, уже наполненная тёплой водой. Рядом — низкий столик с полотенцами, гребнями и шкатулкой для мелочей. В углу — бронзовое зеркало на резной подставке. С неё начали снимать тонкую нижнюю одежду. Когда ткань соскользнула с плеча, служанка втянула воздух. Её взгляд сразу упал на красную полосу на шее. Она ничего не сказала вслух, только на мгновение замерла, будто не знала, можно ли касаться этого места. После чего Лин ступила в купель. Тёплая вода сомкнулась вокруг тела. Служанка набрала воду небольшим ковшом и осторожно полила её волосы. Намочив длинные пряди, она перебирала их пальцами, смывая душистое масло и остатки благовоний, которыми волосы укладывали к свадьбе. Вода стекала по прядям на плечи Лин, а служанка снова и снова поливала их, пока запах масел не стал едва уловимым. Закончив, она бережно собрала тяжёлые от воды волосы и промокнула их мягкой тканью, оставляя свободно лежать на спине Лин. Когда служанки закончили, Лин поднялась из купели. Тёплая вода стекла с тела. Её осторожно обтёрли мягкими полотенцами, промокая кожу, но не растирая, и надели тонкое нижнее платье из светлого шёлка. Линь открыла глаза и посмотрела на своё

отражение в тёмной бронзе большого зеркала. Без короны феникса и многослойного красного шёлка она снова была просто собой — той бледной девушкой из вдовьего двора. Фэн-нян уже вынимала из принесённого сундука новую одежду. — Для хозяйки дома Яннин, — сказала она ровным голосом. — Не такая яркая, как свадебная, но вам пойдёт. Служанка несколько раз украдкой взглядывала на шею госпожи, но больше ничего не спрашивала. Фэн-нян же молчала с одобрением старой лисицы, чью нору возглавил достойный зверь. Она вытащила из лаковой шкатулки: гребень из самшита, шпильки тёмной кости и баночку свинцовых белил. — Подбородок выше, — коротко приказала старшая служанка. Служанки принялись расчёсывать влажные волосы Лин. Они собрали тяжёлый узел низко на затылке, у самого основания шеи. Волосы уложили плотно, волосок к волоску, закалывая их гладкими костяными шпильками цвета воронова крыла. Лишь одна тонкая нефритовая подвеска-спираль скользнула с левого виска, качнувшись в такт движениям рук служанки. Эта скромная деталь была единственным намёком на статус хозяйки дома Яннин. Затем Фэн-нян занялась лицом. Сухими ладонями она вбила в кожу Лин рисовую пудру — ровно столько, чтобы скрыть следы бессонной ночи и придать коже ту самую мертвенную бледность, которую так ценят при дворе. Затем последовал тонкий слой свинцовых белил, смешанных с жемчужным порошком, отчего лицо приобрело гладкость дорогой фарфоровой маски. На скулы лёг тончайший слой охры. Ни одной яркой краски, ни одного лишнего мазка. Лицо превратилось в безупречную маску почтительной супруги. Лин сидела неподвижно, позволяя старым рукам лепить из неё нужный дому образ. Фэн-нян взяла маленькую фарфоровую плошку. Внутри лежала густая паста молочного цвета — смесь рисовой пудры высшего сорта, толчёного жемчуга и капельки жёлтого воска. Тонкой бамбуковой лопаточкой она нанесла состав прямо поверх красной линии. Паста мгновенно подсохла, стянув кожу холодком, а сверху служанка припудрила след всё той же рисовой пылью. Багровая полоса исчезла. Теперь под левым ухом виднелось лишь небольшое, почти незаметное уплотнение, которое легко можно было принять за случайную складку кожи или след от тугого ворота, если не знать, куда смотреть. Тайна оказалась надёжно замурована под слоем белой глины и условностей. Фэн-нян заметила отметину на шее новой госпожи, но не позволила любопытству сорваться с языка. В доме знатного рода, чужие тайны порой ценились очень дорого, а тот, кто слишком охотно тянулся к ним руками, однажды мог лишиться и языка, и возможности пожалеть об этом. Когда ткань легла на плечи — плотный вишнёвый шёлк с чёрными вставками сошёлся на груди без единой морщинки, — Лин снова посмотрела в бронзовое зеркало. В отражении теперь была не та хрупкая девушка из вдовьего двора. Прямая спина расправила ткань на плечах. Из зазеркалья смотрела хозяйка. Взгляд человека, который этой ночью торговался за собственную жизнь посреди супружеского ложа — и выиграл, смотрел сквозь собственное отражение спокойно и выжидающе. Красная линия на шее была похоронена под белым гримом, но её фантомный жар Лин чувствовала до сих пор. И этот скрытый огонь делал её новую фарфоровую маску по-настоящему живой. Когда Лин была готова, в дверь постучали. — Госпожа, — произнёс он, опускаясь в глубокий, но быстрый поклон управляющего. — Дом Яннин готов предстать перед вами. Господин просит, чтобы вы присутствовали при выражении почтения со стороны старших людей дома. Позвольте сопроводить вас? Лин поднялась. Хань Ин отступил на полшага, уступая ей дорогу. И только после того, как Лин вышла из комнаты, последовал за ней. По дороге он почти не говорил. Лин успела разглядеть коридоры. Дом был выстроен так, чтобы не тратить шагов зря: прямые проходы, минимум пустых украшений. Стены однотонные, лишь кое-где висели старые боевые знамёна, выцветшие от времени. Там, где в обычных знатных домах стояли вазы и резные ширмы, здесь стояли оружейные стойки и тяжёлые сундуки. — Госпожа, — тихо добавил Хань Ин, когда они остановились у раздвижной двери в главный зал приёмов. Бумажная створка приглушала голоса внутри. — Люди этого дома... разные. Большинство будет смотреть на вас как на законную хозяйку алтаря предков. Некоторые — как на новую фигуру на доске.

— А вы? — спросила Лин. — Как будете смотреть вы? Он чуть улыбнулся уголками губ. — Я слишком стар, чтобы играть в чужие игры. Я смотрю на руки, а не на фигуры. На то, кто кем двигает. Зал для приёмов в доме Яннин был меньше парадного зала в усадьбе её отца, но ощущался больше. Возможно, потому что здесь было меньше лишнего воздуха. Воздух был плотным от запаха туши, старой кожи и воска. Вдоль стен — несколько тяжёлых кресел чёрного дерева, длинный стол, свитки, песочные часы. Никаких расшитых ширм с романтическими сценами свиданий. Вместо них — карты. Несколько штук, расстеленных прямо на столе и прижатых бронзовыми гирьками: карта города, граница северных варваров, какая-то южная провинция, чужие земли с пометками о колодцах и перевалах. Цзинь Яо сидел в главном кресле, достаточно высоком, чтобы остальные казались ниже. На нём был почти чёрный наряд с тонкой красной окантовкой по вороту. Лицо — собранное, внимательное, без следов ночной усталости. Рядом стоял мужчина в военной одежде, молчаливый, с заметными шрамами на руках и шее. Глаза его больше следили за пространством, чем за вошедшей. Чуть поодаль сидели за низким столом два писца, оба сухие, как каллиграфические кисти, склонившиеся над записями. Когда Лин вошла, сопровождаемая тихим шелестом своего платья, все взгляды скользнули в её сторону. Мужчины опускались в поклоны согласно своему рангу — быстро, деловито, без долгого лежания лбами на полу, которое принято при дворе Императора. — Это люди, которые были рядом со мной ещё до регентства, — сказал Цзинь Яо спокойно, положив ладонь на подлокотник. — Они должны знать, с кем я связан браком. Фэн Цзи поклонился чуть менее формально, чем остальные. — Госпожа, — произнёс он низким, чуть шершавым голосом. — Рад, что вы... — он едва заметно подбирал слово, — ...теперь с нами. Лин встретила его взгляд. В нём не было ни презрения, ни теплоты — только осторожность. — Надеюсь, моя слабость не станет бременем для вашей бдительности, — ответила она, позволяя себе лёгкую формальную улыбку. — Дом, где я росла, привык к тому, что женщины умеют читать налоговые реестры не хуже казначеев. Один из писцов, тот, что помоложе, чуть дёрнул бровью, выдавая удивление. — Тогда дом Яннин тоже скоро привыкнет, — вполголоса заметил он, не отрывая глаз от своей записи. — Привыкнет к тому, к чему я скажу привыкнуть, — спокойно пресёк его Цзинь Яо. Он поднялся с кресла. — Госпожа Цяо — моя жена. Перед законом Поднебесной и предками рода Яннин она значит ровно столько, сколько я решу. Он не добавил «на данный момент». Но Лин услышала это между строк. До того момента, пока она не подарит дому наследника, её положение висит на волоске воли мужа. Но сегодня этот волосок прочнее любой цепи. Она переступила порог спальни женой, и теперь стояла перед людьми дома полноправной хозяйкой. Любой, кто посмеет оспорить это взглядом, будет оспаривать уже не её, а самого Цзинь Яо. После короткого приветствия разговор почти сразу вернулся к делам. Сначала прозвучали короткие поздравления — вежливые, выверенные фразы, которые по сути означали лишь одно: «мы по-прежнему служим вам, независимо от того, с кем вы делите кров». Затем разговор перешёл к отчётам: провиант, расписание караулов, письма с границы, слухи о том, что дом Юй снова ведёт тихие переговоры с министром Лю. Лин сидела сбоку, на стуле чуть ниже уровня регента, и молчала. Ей не задавали вопросов, и она была за это благодарна. Смотреть и запоминать пока оставалось её самым надёжным занятием. Иногда чей-то взгляд цеплялся за неё: кто-то смотрел с холодным любопытством писца, оценивающего новый свиток; кто-то — с осторожностью пса, обнюхивающего незнакомца; кто-то — с тем самым лёгким презрением, которым мужчины-ремесленники одаривают женщин, посмевших зайти в кузню во времяковки меча. Лин отвечала ровным пустым лицом, сложив руки на коленях согласно этикету. Внутри же, на невидимых свитках памяти, на каждое лицо уже ложились первые строки записок: «Фэн Цзи — левая рука, слишком прямолинеен. Старший писец боится гнева господина больше, чем воров.» Через какое-то время Цзинь Яо свернул совет. Он хлопнул в ладони, подзывая слугу с чайником. — Остальное обсудим позже, — сказал он, когда чаши были наполнены. — Сегодня дом занят праздником. Когда

все разошлись, он не отпустил её сразу. Дождался, пока Хань Ин опустит занавесь, и в зале остались только они вдвоём. — Сегодня к вечеру, — сказал Цзинь Яо, вертя в пальцах пустую чашу, — придут соседи и союзные семьи дома. Пара старых генералов, доживающих свой век в отставке, несколько мелких чиновников, люди, без которых дом Яннин перестанет дышать до рассвета. Ты будешь сидеть рядом со мной. Улыбаться, когда нужно, кивать, не говорить ни слова. — Я умею молчать, — сказала Лин. Голос прозвучал ровно, хотя внутри всё сжалось от привычного холода чужих приёмов. — Отлично, — кивнул он, ставя чашу на стол. — А завтра или послезавтра будет и настоящий спектакль. Дворец. Императорский приём. Императрица-вдова. Верховный Совет. Все захотят посмотреть на женщину, которой решили связать мне руки ради мира на границе. — Вы думаете, они уже жалеют о своём решении? — спросила она, позволяя себе легкую тень усмешки. — Я думаю, они ещё ничего не поняли, — ответил он. Его голос стал тише, приобретая бархатный оттенок стали. — Но скоро узнают. Он посмотрел на неё внимательно, почти насмешливо, склонив голову набок, словно художник, оценивающий свежую линию туши на рисовой бумаге. — Это был комплимент вашей проницательности, господин? — уточнила Лин, поправляя складку на рукаве. — Нет, — сказал он. — Это будет лишь первый ход. Лин опустила ресницы, пряча вспыхнувшее в зрачках понимание. Она привыкла быть фигурой, которую двигают другие. Теперь же хозяин дома только что объявил ей, что собирается использовать пешку так, чтобы та сама изменила правила игры на доске. Цзинь Яо отложил свиток в сторону и провёл пальцами по краю стола. — У меня ещё есть дела, — произнёс он. — Ты можешь вернуться в свои покои и приготовиться. Лин уже собиралась поклониться, когда он ненадолго замолчал. Будто вспомнил о чём-то, что не собирался говорить вслух. — Из дома Цяо прислали служанку. Её зовут А-Янь. Я распорядился, чтобы её допустили в наши покои. Лин подняла глаза. — Я не люблю пускать в свой дом чужих, — продолжил он. — Лишние уши и глаза редко приносят пользу. Но раз уж мы женаты и делим один кров... сочту это знаком доверия. Лин внимательно смотрела на него. — Тогда почему позволили ей остаться? Цзинь Яо поднял взгляд. — Потому что теперь ты моя жена. И если ты должна жить в этом доме, тебе не обязательно расставаться со всем, что осталось от прежней жизни. Лин едва заметно сжала пальцы. Это было больше, чем обычное разрешение оставить рядом знакомое лицо. А-Янь была человеком из её прежнего дома. Человеком, который знал её до всех этих свадебных событий. И Цзинь Яо прекрасно понимал, что значит оставить её рядом. — Благодарю вас, господин, — тихо ответила Линь. Она понимала цену этой уступки. В доме Яннин даже малая милость не бывала бессмысленной. Цзинь Яо уже снова смотрел в свиток, давая понять, что разговор окончен. Линь поклонилась и вышла из зала. За спиной остался запах туши, бумаги и того холодного спокойствия, которым был пропитан весь дом. У раздвижной двери её ждала Фэн-нян. Старшая служанка опустила взгляд ровно в тот момент, когда госпожа оказалась рядом, принимая на себя роль невидимой тени. Обратно через мужские галереи они шли в тишине. Впереди семенила худенькая служанка с фонарём, позади неслышно ступала Фэн-нян. В дверях её личных покоев Фэн-нян остановилась и впервые подняла глаза на хозяйку. — Позвольте мне распорядиться о чае, госпожа? — Да, конечно, — спокойно ответила Линь. — Буду признательна. Фэн-нян поклонилась. Лин позволила себе выдохнуть. Только теперь, оказавшись за спиной старшей служанки, в тишине собственного порога, она поняла, что всё это время сдерживала дыхание. — Мне уже передали, — добавила она, — что при вас будет личная служанка из прежнего дома. Я распорядюсь, чтобы ей показали, где хранится ваша одежда и какие обязанности отныне входят в её службу. Лин чуть помедлила. — Она будет моей личной служанкой. — Разумеется, госпожа. Фэн-нян посмотрела на неё внимательно. — Однако позвольте сразу объяснить порядок в доме. А-Янь будет служить непосредственно вам. Остальные служанки останутся под моим ведением. Если вам потребуется что-либо для господина, вы можете передать распоряжение через меня или через Хань Ина. Фэн-нян отошла в сторону, пропуская

её. Линь переступила порог. — Господин также велел передать, — продолжила Фэн-нян, опускаясь на колени у жаровни, чтобы разжечь угли под медным чайником, — что делить вы будете одни общие супружеские покои. Однако господин редко задерживается здесь после рассвета. До утреннего чая эта комната целиком в вашем распоряжении. Он придёт лишь к вечеру или если призовёте его сами через Хань Ина. Одни покои. Лин опустилась на край низкого ложа. Это меняло расстановку сил. В доме отца и во вдовьем дворе у неё всегда была своя клетка. — Что касается девушки... — Фэн-нян встала, поправляя рукава. Её движения были точными, лишёнными суеты. — Люди господина впустили её сразу после того, как вы ушли на совет. Старшая служанка сделала едва заметную паузу, давая словам повиснуть в воздухе. — Господин передал её в ваше полное распоряжение. Но учтите, госпожа: девушка пришла из чужого дома. Еда, которую она ест, и воздух, которым дышит, теперь принадлежат вашему мужу. Если она окажется полезна — заслуга ляжет на вас. Если откроет рот там, где не следует... Фэн-нян не закончила фразу. Ей не нужно было заканчивать. В этом доме ответственность всегда текла вверх по иерархии. Она подошла к раздвижной перегородке, ведущей во внутренние комнаты, и откатила створку ровно настолько, чтобы просунуть голову. — Можешь войти, — позвала она. Из полумрака выскользнула та самая худенькая фигура. А-Янь упала на колени. Лоб коснулся циновки. — Приветствую госпожу! — выдохнула она, не смея поднять глаз. Лин смотрела на склонённую макушку служанки. На то, как дрожат пальцы девчонки, вцепившиеся в ворс ковра. Напуганная девочка, цепляющаяся за единственное знакомое лицо в стане врага. — Поднимись, — сказала Лин. А-Янь вскочила, но осталась стоять согнувшись, мелко перебирая ногами. А-Янь стояла перед ней уже в тёмно-сером платье с узкой вишнёвой окантовкой по вороту — скромном одеянии младшей прислуги хозяйских покоев. Ткань была свежей, но лицо девушки всё ещё хранило следы дорожной пыли, а волосы были небрежно сколоты простой костяной палочкой. Лин перевела взгляд на Фэн-нян. Две женщины смотрели друг на друга — старая верность против чужой крови. — У меня ещё остались распоряжения к вечернему приёму, госпожа, — первой нарушила молчание Фэн-нян. Голос её звучал ровно, но Лин уловила едва заметное напряжение. — Необходимо проверить, всё ли готово в главном зале, расставлены ли курильницы и подготовлена ли кухня к прибытию гостей из союзных домов. Если моя помощь более не нужна... Последняя фраза была произнесена особенно осторожно. Фэн-нян не просто спрашивала разрешения уйти. Она оставляла Лин возможность самой решить, нужна ли ей ещё старшая служанка рядом. Лин поняла намёк. И позволила уголкам губ едва заметно смягчиться. В доме, где каждый знал своё место, даже отпустить слугу следовало так, чтобы он не почувствовал себя отосланным. — Ступайте. Фэн-нян склонила голову. — Как пожелает госпожа, — поклонилась и бесшумно отодвинула створку перегородки. Она исчезла в коридоре так же тихо, как появилась, унося с собой запах кедрового дыма и ощущение чужого порядка. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга. Ещё вчера между ними существовали стены старого дома, правила, хозяйева, слуги, чужие глаза. Теперь всё это исчезло. Дом Цяо остался позади. А вместе с ним — прежняя жизнь. Здесь они обе были чужими. Просто одна из них носила одежду госпожи дома Яннин. Другая — одежду её личной служанки. И впервые с того момента, как они вошли в этот дом, Лин позволила себе перестать изображать перед кем-либо хозяйку. А-Янь подошла к низкому столику, где стоял небольшой чайник. Подняла крышку, проверила, остыл ли настой, и разлила чай по чашкам. Одну поставила перед Лин. Затем уже собиралась отойти, но Лин остановила её: — Налей и себе — сказала Лин. — Между нами по-прежнему нет нужды в этих формальностях. А-Янь замерла в нерешительности. — Госпожа... — Мы здесь одни. А-Янь нерешительно посмотрела на дверь, затем на Лин. Потом всё же налила вторую чашку, села рядом на низкую скамью и только после этого начала спрашивать: — Ну?.. Как они? Его люди? Сам регент? Лин подняла чашку и согрела пальцы о тёплую керамику. Перед глазами вновь возник приёмный зал: карты на стенах, свитки, оружие, молчаливый Фэн Цзи и Хань

Ин, чьи спокойные глаза замечали гораздо больше, чем позволяла его мягкая манера говорить. — Он одинаков со всеми, — ответила она после короткого размышления. А-Янь нахмурилась, пытаясь осмыслить услышанное. Лин задумалась. Она сделала небольшой глоток. — Если бы он был жесток только со мной, я могла бы понять, чего от него ждать. Но он одинаково холоден с подчинёнными, чиновниками, военными... Даже с теми, кто служит ему много лет. Она поставила чашку. — В этом и есть самое страшное. Он не теряет себя ни перед кем. А-Янь тут же замерла, заметив бледную красную полосу на коже. — Госпожа... что случилось? — голос её дрогнул от тревоги. — Знакомство с мужем немного вышло из-под контроля, — спокойно ответила Линь. — Уже почти не болит. — Вы всегда говорите так, когда хотите, чтобы я перестала волноваться. Линь ничего не ответила. А-Янь чуть тише добавила: — Я всё равно рада, что вы живы. Даже если теперь нам придётся жить среди этих людей. Линь посмотрела на неё и впервые за всё утро позволила себе говорить совершенно искренне: — Мне тоже легче от того, что ты здесь. Она встала и подошла к окну, отодвинула тонкую занавесь. Внутренний двор оставался тихим. Старое дерево, росшее у дальней стены, едва заметно шевелило редкими листьями, а ветер приносил из другого крыла приглушённые голоса слуг. Там уже готовились к вечернему приёму: двигали столы, расставляли посуду, зажигали курительницы и проверяли всё, что должно было соответствовать положению нового хозяина дома. Линь смотрела на двор и думала о том, как быстро изменилась её жизнь. Вчера она купила себе жизнь несколькими словами и каплей крови — не той, которую от неё ждали. Сегодня ей предстояло купить себе место в доме Яннин. Затем — место при дворе, среди людей, которые будут улыбаться ей, одновременно пытаясь понять, насколько она полезна их собственным замыслам. А после этого ей, возможно, придётся научиться занимать место и в чужих мыслях. Она коснулась пальцами шеи. Второй раз бросаться в огонь вслепую Линь не собиралась. Если судьба всё же решила бросить её в пламя, на этот раз она намеревалась смотреть открытыми глазами и запоминать каждого, кто держал в руках факел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.